

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
монарх

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки – монарх
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 47

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606724

*Ричард Длинные Руки – монарх : фантастический роман / Гай Юлий
Орловский: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69933-9*

Аннотация

И пришел час! Победоносная армия вышла на границу королевства Сен-Мари, каравеллы спешно перебрасывают крестоносцев из Вестготии и Гандерсгейма, рыцари опускают забрала, готовя копья к сокрушительной атаке...

И только сэр Ричард сжимает в бессилии кулаки. Какое Сен-Мари, какие красивые подвиги, когда нужно разворачивать войско для битвы с Маркусом...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	62
Глава 6	81
Глава 7	99
Глава 8	107
Глава 9	117
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные

Руки – монарх

© Орловский Г. Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Глава 1

Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, а теперь еще и граф, мой верный соратник, продолжал всматриваться в страшный багровый кружок в небе холодно и вполне бесстрастно, а я с тяжестью в груди окидывал взглядом простор долины, страшась поднять голову.

Красные и оранжевые шатры на свежей зелени смотрят ярко и празднично, рыцарские доспехи бодро блестят на солнце, это наш лагерь, мои люди, все привычно и надежно. Дружина отважного барона давно растворилась в нашей войске, а он с первых же дней, как только его привел ко мне на помощь в трудный час Митчелл, остался, и с того дня и доныне могу опереться, и опираюсь.

Ему самому с его острым и постоянно работающим умом было тесно в том мирке, а со мной простор, размах и авантюры, что все масштабнее и грандиознее.

– Судя по размерам, – произнес он, – ему к нам еще далеко.

– М-да, – пробормотал я. – Смотря как лететь.

Он промолчал, я тоже не стал объяснять, что если это вот стремительно примчалось из глубин космоса, то яркая звез-

дочка блеснула бы в небе, в доли секунды разрослась бы, и вот уже нечто огромное опускается в десятке шагов на землю. Такое невозможно представить себе в этом неторопливом веке, а я такое не смогу объяснить, потому лучше державно помалкивать.

Он зябко передернул плечами.

– Отвратительно. Как я понимаю, эту напасть приостановил небесный свод, которым Господь прикрыл землю? Но эта тварь, судя по ее настойчивости, все же продолбит дыру и ворвется к нам? И будет сеять смерть и разрушит наш мир...

Мелькнула дикая мысль, что слова Альбрехта как раз все и объясняют. Разве что не хрустальный купол повышенной прочности защищает наш мир, а тонкая грань из некоего субстрата другой или альтернативной вселенной, параллельной или как не назови. И тогда понять легче, так как расстояния и время в этих случаях значения не имеют.

Возможно, в самом деле Маркус продавливается через наше пространство, как через тонкий лист, это для нас триллионы световых лет, а там, возможно, половинка этой чудовищной конструкции еще на взлетной площадке, а половину уже видим здесь.

Но тогда сталкиваемся с чем-то вообще невообразимым. И тем более непонятно, зачем невообразимому земные рабы? Никогда не мог понять, когда рисуют чудовищных жуков или осьминогов, что тащат наших роскошных блондинок на алтарь изнасилования.

– Если опустится в другом месте, – сказал я, – мы обречены. Но если заинтересуется маяком... у нас есть шанс.

Он сказал трезво:

– Только не сегодня. Мы не готовы.

– Будем драться с тем, – отрезал я, – что есть. Я тоже рассчитываю, что этот ужас будет продавливаться через... небесную твердь еще хотя бы несколько дней. А лучше – недель.

Он перекрестился, на лице то вспыхивала, то гасла надежда.

– А он в самом деле опустится?

– Граф?

– Или просто появится, – договорил он. – Вот его не было, а потом вдруг есть?

– Знаете, граф, – сказал я, – теперь уже и я не уверен, каким способом окажется здесь. Что, конечно, не отменяет.

– Не отменяет, – согласился он. – Только больше неожиданностей. Говорят, вы их любите?

– Типун вам на язык, граф!.. Разве не видно, что просто обожаю?

Он кивнул в сторону быстро шагающего в нашу сторону барона Дарабоса.

– Вот у кого нужно спрашивать...

Норберт Дарабос, глава конной разведки и всей легкой кавалерии, как всегда с чисто выбритым до синевы подбородком, воинственно приподнятыми кончиками усов, прибли-

жается быстрыми деловыми шагами, высокий, худой и поджарый, продубленный ветрами и морозами.

– Ваше Величество, – произнес он еще издали, – в сторону нашего лагеря движается группа всадников из Мезины!

Я махнул рукой.

– У Ротильды огромная свита. Десятком больше, десятком меньше... Кстати, у графа к вам вопрос.

Норберт хмуро взглянул в сторону подчеркнуто серьезно Альбрехта.

– Знаю его вопросы. Я распоряжусь, чтобы препроводили к вам?

– Естественно, – ответил я. – Королева еще спит, ибо королева, а не.

– Хорошо быть королевой, – сказал Альбрехт, взглянул на меня и уточнил: – Только не королем, Ваше Величество.

Норберт оглянулся, спросил негромко:

– Что слышно насчет маяка?

– Растет, – ответил я, – но, понятно, пока еще мал и глуп. В смысле, работать не умеет. Не готов. А может, и готов, как проверить?.. Сейчас в нем, думаю, трудятся только те... корни, что ли, которые усиленно перерабатывают землю в иное состояние.

Он потряс головой.

– Это как? Ах да, как кусты перерабатывают ее в листья и ветки. Понял-понял.

– Начинка, – сказал я, – вырастет на последнем этапе.

– Начинка, – повторил он, – это плоды?.. Ну да, понятно. Ваше Величество, не смотрите так. Я стараюсь понять. Не люблю это «все в руке Божьей» и «не нашего ума дело»!

– Я тоже не люблю, – признался я. – Хотя признаю, что некоторые вещи просто не понимаю. Надеюсь, мы как-то узнаем о готовности маяка к работе. Думаю, он запустится сам по себе. И то ли хрюкнет, то ли пискнет.

Он подумал, кивнул.

– Как конь, что сам отыскивает траву?.. У моего отца была кобыла, сама возила брату телегу с дровами. Тот сгружал, угощал ее морковкой, и она довольная тащила повозку обратно, а это почти миля.

Его суровое лицо, что вообще-то без морщин, пошло трещинами, это он заулыбался детским воспоминаниям.

Из-за дальних холмов выметнулся низкорослый шустрый парень на быстром коне, как низко летящая птица, промчался к нашу сторону, прокричал веселым голосом:

– Ваше Величество, еще группа мезинцев!

Норберт ответил командным голосом:

– Посмотри, не двигается ли за ними с отрывом группа побольше?

Разведчик унесся, легкий и быстрый, как молодая ящерица, довольный жизнью и участием, совершенно не ломающий голову над проблемой Маркуса, для этого у него есть король Ричард, которому, говорят, и черти пятки чешут.

Норберт покосился на мое мрачное лицо.

– Эта Багровая Звезда приближается не так уж и быстро. Видать, дороги и на небе с ухабами, не разгонишься.

– Но остановить этого гада, – ответил я с тоской, – почти невозможно.

– Гм, – сказал он, – мне нравится слово «почти»... Вы разве не всегда на «почти»?

Я не ответил, вдали на изумрудной зелени под ярким солнцем показалась группа скачущих в нашу сторону всадников в цветах мезинской знати.

Впереди пышно одетый юноша с развевающимся знаменем, следом трое ухитряющихся сидеть даже в седлах особенно гордо и красиво, словно на тронах, тоже молодые и спесивые, не забывающие о своем достоинстве, что переходит в гордыню.

От шатра быстро примчались мои телохранители. Зигфрид во главе, еще мордастее и широкоскулее, с той поры как встретил и взял под защиту ту ведьмочку Скарлет Николсон, в боках раздался, живот выпирает, но все еще быстр и силен.

Он быстро и зорко огляделся по сторонам, взмахом руки велел двоим дюжим орлам встать от нас с Альбрехтом справа и слева.

Мы выждали, когда прибывшие остановят коней, вперед выехал тот юноша, одетый крикливо, но сейчас все крикливо и ярко, мне даже нравится, праздничное настроение так необходимо в это мрачное время.

Костюм расшит золотом, но привлекает внимание не

одежда, а шляпа: широкополая, прошитая золотыми нитями и украшенная драгоценными камнями, а сверху еще и развевается целый веер тщательно окрашенных во все цвета радуги перьев.

Они красиво и величественно заколыхались, когда всадник соскочил на землю и бодрой пружинящей походкой направился к нам.

Его спутники спешили, но остались у коней.

– Граф Дэниэл Самантер, – представился он. – Послан герцогом Джефферингом к ее величеству королеве Ротильде Дрогонской.

Я промолчал, Альбрехт заметил строго:

– Граф, у вас в самом деле великолепная шляпа. Мы все уже оценили. И фасон, и драгоценности. Я еще не видел изумрудов такого размера и чистоты! Однако перед Ричардом Завоевателем положено снимать головные уборы. Даже такие.

Он в изумлении приподнял по-женски красивые дугообразные брови.

– Но я из рода Гарнарда Ричардсона!

Я промолчал снова, Альбрехт поинтересовался:

– Ну и что?

– В королевстве Мезина, – сообщил граф с великолепным пренебрежением, – было два древних рода, представителям которых даровано триста двадцать пять лет назад право не снимать головные уборы в присутствии короля. Но один пре-

секся семьдесят лет тому, а наш – нет!

– И что? – повторил Альбрехт.

– Я граф Дэниэл Самантер, – повторил он победоносно и попытался посмотреть на нас обоих свысока, не делая разницы. – Представитель первого и самого славного рода, который обладает этим правом!

Альбрехт хмыкнул, повернул голову ко мне. Не двигаясь, я произнес холодно и отчетливо:

– Мне кажется, король, даровавший вашему роду это право, давно умер.

Он выпрямился, сказал с благородным негодованием:

– Но право есть право!

– Это не право, – сообщил я, – а некая дурь. Я не собираюсь поддерживать замшелые обычаи, тормозящие прогресс и всяческий гуманизм. Снять шляпу!

Граф вздрогнул, рука уже дернулась вверх, но опомнился, выпрямился еще больше и сказал дерзко:

– Наши старинные привилегии...

Я взглянул на Альбрехта, тот кивнул Зигфриду. Мой телохранитель без замаха, но с таким удовольствием сбил шляпу с головы представителя древнейшего рода, что у того от мощного подзатыльника едва голова не оторвалась от тонкой шеи.

Я сказал в пространство перед собой:

– Если этот мезинский дурак еще раз не снимет головной убор, каким бы тот ни был, в моем присутствии или в при-

сутствии королевы... то на первый раз хорошенько выпороть на площади у позорного столба, а если повторится... повесить сразу же без замены штрафом. А сейчас выбросите его прочь.

Ничего не понимающий граф не успел пикнуть, как его подхватили под руки и бегом почти вынесли, ноги волочились по земле. Исчезли надолго, видимо, слово «выбросить» поняли как выбросить вообще из дворца во двор, а то и вообще за пределы двора на городские улицы. Но так как мы не во дворце, только из шатра вышли посмотреть на Маркус, то даже и не представляю, как бдительные стражи поняли простое и как бы понятное слово «выбросить».

Я повернулся к его замершим спутникам.

– Мезина должна быть сильной, – произнес я жестко, – богатой и процветающей! Это будет доступно только при гуманном прогрессе, высокой культуре и отказе от диких привычек. Тот, кто соблюдает закон, всегда будет под его защитой. Кто не соблюдает... что ж, не завидую тому, кто воспротивится.

Один из прибывших вместе с графом, слишком тугодумный, чтобы понять изменившиеся реалии, промямлил растерянно:

– Но ведь ее величество королева Ротильда...

Я развернул и посмотрел на него в упор.

– Вы говорите о моей жене?

Он открыл рот для ответа, посмотрел на меня и медлен-

но закрыл. Кажется, и до него наконец-то дошло, что это Ротильда моя жена, а не я ее муж. И хотя в математике не один ли хрен, но в реальной жизни как бы очень даже не совсем.

Телохранители сдержанно улыбаются, простодушный Зигфрид расхохотался во весь голос.

Альбрехт покачал головой.

– Жестоко.

– Находите? – поинтересовался я.

– Старинные привилегии, – пробормотал он, – пользуются уважением. И почтением. Это же в память о заслугах предков!

– Заслуги предков принадлежат Отечеству, – сказал я высокопарно, – а не отдельным всяким нахлебникам... Ишь, прадед совершил подвиг, может быть, даже погиб, а дивиденды получает внук?

Он усмехнулся.

– Но род один...

– Каждый отвечает за себя, – отрезал я. – Так и в Писании сказано. Нечего жить заслугами предков! Никаких привилегий.

– Кроме тех, – сказал Зигфрид, – которые установит Ваше Величество.

Я кивком указал на него Альбрехту.

– Слышишь глас народа?

– Ваше Величество, – ответил Альбрехт с укором, – это само собой разумеется. Не стоило даже упоминать о такой

очевидности!

Ротильда, вся в пышных и красных, как закатное небо, волосах, сидит в ночной сорочке на краю кровати и быстро просматривает бумаги. Услышав шорох откидываемого полога, вскинула голову, лицо осветилось такой искренней радостью, что я усомнился, будто в самом деле уже знаю пределы женских хитростей и притворства.

– Мой король, – проговорила она счастливо, – уж прости, надо было сперва одеться...

– Не так уж и надо, – великодушно сказал я. – Ты хороша даже в рубашке, которая все равно ничего не прячет.

– Ах, Ваше Величество!

– Ротильда, – сказал я серьезно. – Мне надо отлучиться по делам службы.

– Службы?

– Я служу королем, – напомнил я, – не забыла? Так что увидимся не совсем скоро... Ох, да не ликуй так уж откровенно, это же обидно.

Она вскрикнула:

– Ваше Величество! Какое ликование, я безумно огорчена!

– Вижу, – сказал я, – все расцвела моментально.

– Ваше Величество, – запротестовала она, – я обижусь.

– Ладно, – сказал я и остановил ее жестом. – Слушай. У меня для тебя две новости. С какой начинать?

– С хорошей, – ответила она.

Я изумился.

– А кто сказал, что есть и хорошая?.. В общем, так. Я уезжаю, но присматривать за тобой буду. Ты из тех женщин, за которыми нужен глаз да глаз.

– Ваше Величество?

– Все серьезные документы, – предупредил я, – после твоей подписи должны визироваться мною. Если там только твоя подпись – акт недействителен.

Она посмотрела на меня исподлобья.

– А я надеялась...

– На что?

Она объяснила тихим голосом обиженного ребенка:

– Ваша победа над Мунтвигом должна была укрепить и мое положение, я ведь ваша жена!

– Ваше положение, – сказал я, – моя королева... отныне незыблемо. И ваши слова имеют больший, чем раньше, вес. За вашей спиной все теперь видят Ричарда Завоевателя, а не просто принца-консорта. Но, с другой стороны, как вы сами понимаете...

Она вздохнула.

– Понимаю. И смиряюсь.

– Мудрая позиция, – одобрил я. – Кто говорит, что женщины – дуры? Ротильда, вы реабилитируете всех женщин на свете!

Она сказала язвительно:

– Спасибо, Ваше Величество.

Я поцеловал ее в лоб, она подставила губы, я поцеловал и в губы, они у нее такая прелесть, что пришлось сделать усилие, чтобы оторваться и заставить себя выйти из шатра.

Зигфрид уже ждет, сразу поинтересовался:

– Мы сопровождаем?

– Откуда взял, – спросил я сварливо, – что отбываю?

– Чувствую, – ответил он.

– Вот так и храни тайны, – сказал я с огорчением, – когда одни шпионы вокруг. Нет, пока не отбываю!

– Сперва расскажете, – сказал он, – кому что делать? Ну, это ненадолго. В шатер к графу?

– И это знаешь, – буркнул я.

– Ну да, – ответил он. – Граф уже и карту расстелил, вас ждет.

– С ума сойти, – сказал я. – Каждый мой шаг расписан, будто я не король... а не знаю кто. Правда, я всего лишь, гм, выборный король. Ладно, только не забегай вперед. Если хочешь охранять, то охраняй так, чтобы я тебя не видел вовсе. А то вроде на похвалу напрашиваешься.

– Вот еще, – сказал он обидчиво, но в самом деле исчез так быстро, что либо сам умеет, либо Скарлет научила своим колдовским штучкам.

Глава 2

У шатра Альбрехта охрана выпрямилась, бодрые и brave, готовые защищать короля от всего на свете. Как же, если в моем расположилась королева, то военный совет точно не для женских ушей, все понимают и даже сочувствуют моей бездомности, вот уж чего не люблю, когда сочувствуют не тогда, когда я на сочувствие нарываюсь сам.

Норберт и Альбрехт вежливо поднялись, я же король, но по моему нетерпеливому жесту снова плюхнулись на лавку.

На столе заботливо расстелена карта Сен-Мари, я сразу навис над нею, как туча, что обязательно разразится грозой. Взгляд прыгнул к Тарасконской бухте, там мой драгоценный флот, но я заставил себя скрупулезно просматривать города и даже повел пальцем, стараясь ни один не пропустить.

– Кто-то уже наметил, – спросил я, – откуда выставят войска в поддержку Вирланда?

– И даже крепости, – сказал Альбрехт, – какие можно обойти.

– Какие стоит обойти, – уточнил Норберт.

Альбрехт сказал покровительственно:

– Дорогой барон, это несущественно. Пусть все сидят в замках! Важнее то, что Сен-Мари в целом наверняка выставит армию впятеро больше, чем есть у стальграфа и рейнграфа вместе взятых. Даже если к ним прибавить и армию

из Гандерсгейма.

– А выставят? – спросил я.

Альбрехт сказал с укором:

– Ваше Величество! Сен-маринцы не большие любители воевать, но когда пятикратное преимущество, любой трус почувствует себя героем. А они все-таки не совсем трусы.

Норберт заявил сухо:

– Ваше Величество, необходимо дождаться армию в полном объеме. Вы и так бессовестно распылили всю нашу мощь, оставив часть в Сакранте, часть в Ричардвилле...

– Спасибо, – сказал я саркастически, – что не стали перечислять остальные земли.

Альбрехт заметил с долей ехидства:

– Пока что называемые королевствами.

Я сделал вид, что не услышал этого пронизательного гада, сказал Норберту:

– Барон, увы, нам придется попробовать... пока что просто попробовать управиться с тем, что есть.

– Почему?

Не поднимая головы, я указал пальцем вверх.

– Он торопит.

– Господь?

– Если предположить, что Маркус, – ответил я, – его длани дело... хотя чье может быть еще?

– Но что мы можем? – сказал он с досадой. – Граф, несмотря на то что у него в шляпе перьев больше, чем у того

дурного мезинца, все же брякнул верно насчет большой армии сен-маринцев. Пусть она не весьма отважная и боеспособная, однако Сен-Мари в разы крупнее любого северного королевства! Там богатые земли, зима курам на смех, а почва такая, что вечером воткни в землю оглоблю, за ночь вырастет телега. Народу там больше, чем муравьев в лесу.

– Армия у них многочисленная, – согласился я, – расходы на военные действия у нас возрастут в разы. А с каждым днем, в смысле, эпохой, убивать все дороже... Та-ак, садитесь за стол, нет-нет, пировать и не надейтесь, займемся калькуляцией. Дело это скучное, но весьма нужное. Война – это математика и статистика. Любые расходы нужно сводить к минимуму.

Они сели, оба настороженные, от меня часто слышали незнакомые слова, но в слове «калькуляция» какой-то неприятный звук вроде лязга ножниц.

Альбрехт осторожно спросил:

– Ваше Величество, однако же...

Я прервал на полуслове:

– Все потом. Сперва самое важное. Сколько уходит средств, чтобы лишить жизни одного вражеского воина? А так как мы гуманисты и делаем вид, что вовсе не убиваем живых людей, то будем называть, как уже предлагал, живой силой противника.

Норберт спросил сумрачно:

– А что тогда неживая?

Альбрехт ответил за меня:

– Видимо, замки, крепости... а также зомби. Хотя насчет зомбей не знаю. А вот тролли – точно живая сила.

Норберт отмахнулся.

– Тролли еще какая живая! Даже живучая. К счастью, они есть только в нашей войске. В общем, Ваше Величество, чтобы убить одну единицу живой силы противника, нужно затратить около семидесяти серебряных монет. Это не строгий расчет, это из опыта.

Я охнул:

– Почему так дорого?

Он прикрыл глаза, губы подвигались, будто читает молитву, но мы-то знаем, какие молитвы у нашего начальника внешней разведки.

– С учетом вербовки, подготовки, обмундирования, вооружения...

– Ежемесячного жалованья, – напомнил Альбрехт.

– Ежемесячного жалованья, – согласился Норберт, – расхода на закупку и подвоз в военные лагеря продуктов, амортизацию телег, компенсации родителям за обесчещенных девиц, что рисковали гулять слишком близко возле лагерей... В общем, получается даже больше. Чуть ли не под сто. Но мы привычно недоплачиваем, весь мир такой, все кому-то что-то должны и обязаны, а все вместе – Господу.

Я сказал с огорчением:

– Какое же это дорогое удовольствие – война. Семьдесят

монет! И то, если экономить... А если дешевле?

Они оба задумались, Альбрехт предположил:

– Очень хорошо показывает себя оснащение армии вашими луками. У них и дальнобойность, и проникающая способность... Если использовать чаще, из-за спины бронированной пехоты, разумеется, стоимость убитого сен-маринца точно упадет на пару монет.

– Хорошо-хорошо, – сказал я с одобрением. – Пара монет это немало в масштабах армии!... Давайте еще! Ну, думайте, думайте.

Норберт сказал брезгливо:

– Можно чаще использовать ловушки. Если вырыть глубокий ров с торчащими внизу кольями и заманить в них пехоту противника, то это снизит себестоимость каждого убитого на порядок. Ну, не на порядок, а почти вполовину. Правда, всю армию так не заманишь, но все же от шестидесяти восьми можно смело отнять еще три монеты.

Альбрехт добавил:

– А если сдуру погонится рыцарская конница, то стоимость упадет еще монет на пять-семь. В общем, каждый убитый сен-маринец нам обойдется в пятьдесят монет.

– Хорошо-хорошо, – сказал я подбадривающе. – Давайте думать, как еще удешевить уничтожение живой силы противника. Человеческая фантазия должна постоянно работать в этом направлении! Барон, где полет вашей творческой мысли?

Норберт пробормотал:

– Нужно чаще использовать в нашей армии троллей. Они обходятся дешево, а урон наносят огромный. Если применять их постоянно, то убийство каждого сен-маринца... э-э... каждой единицы живой силы противника снизится примерно на десять монет!

Я потер руки.

– Прекрасно, просто прекрасно!.. Это получается, затратим только сорок монет?.. Так, граф, а что вы замолчали? Вдохновение кончилось?

– Тролли, – сказал Альбрехт, – в самом деле просто здорово. Но если использовать в военном деле колдунов, что умеют бросать огненные шары... это снизит себестоимость еще монет на пять. Все потому, что бросают издали, шары прожигают в рядах... живой силы целые полосы!

Я воскликнул радостно:

– Тридцать пять золотых?.. Еще чуть, война станет рентабельным делом. А кто придумает, как снизить еще больше?

Альбрехт сказал задумчиво:

– На реке Герная есть громадная плотина. Если устроить поле битвы там, а когда враг подойдет первым и займет позиции, разрушить дамбу! Всю армию вода сметет и утопит. Тут, можно сказать, себестоимость убитого падает до тридцати монет.

Я хлопнул себя по бокам.

– Это здорово. Правда, плотину жалко, она и пару сел

смоет, ну да ладно, отстроятся. А бабы новых нарожают. Поздравляю, граф!

– Если бы еще такого мага, – сказал Норберт со вздохом, – чтобы мог сразу все войско врага прихлопнуть!.. Тогда вообще каждая живая единица сен-маринца обошлась бы...

– Это запрещено, – возразил Альбрехт.

– Да, – согласился я, – оружие массового поражения... не применяется, хотя и очень хочется. Церковь против.

– А как-то договориться с нею?

– Нужны веские доказательства, – сказал я, – что живая сила либо уже неживая, либо язычники. Или хуже того, еретики. Тогда да, церковь разрешит... А между своими пользоваться таким оружием... гм... в прошлый раз допользовались. Пришлось папе римскому по всей Европе разрешить многоженство, дабы заново населять землю.

Альбрехт сказал с сожалением:

– Да, сен-маринцы не язычники, хотя почти еретики. Однако снижение себестоимости одного человека до тридцати монет уже хорошо.

Я поднялся, сказал веско:

– Вы тут подумайте, вдруг да сумеем удешевить стоимость человеческой жизни еще хоть немного. Желательно, до двадцати монет. Если нам будет обходиться дешевле, чем противнику, выиграем любую войну! В общем, продолжайте калькулировать. Войну выигрывают не полководцы, а бухгалтеры.

За пределами шатра свежий ветерок и знойное солнце, не такое крупное, как в Сакранте, зато раскаленное добела, так и чувствую его горячую поглаживающую ладонь на щеке.

Бобик, выронив бревнышко, которое совал в руки стражам, ринулся навстречу. Я потрепал его по башке, собаки и женщины всегда требуют подтверждения, что их любят, он посмотрел счастливыми глазами и, подхватив свою игрушку, которой можно сбить с ног быка, побежал искать неосторожного новичка, кому эту штуку можно сунуть в руки.

Я пошел в другую сторону, делая вид, что хозяйски осматриваю лагерь, делать мне больше нечего, а в черепе бурлят варианты, что в данной ситуации хорошо, что плохо. Вообще-то все плохо: едва ушел с армией, власть рухнула, лорды моментально взяли ее в свои руки, усадив на трон Вирланда. Их понять можно, Мунтвиг – полководец известный, уже двадцать лет водит армии, а тут почти мальчишка с ним в сравнении, которому просто некоторое время везло.

К тому же каждый шаг Мунтвига понятен и даже предсказуем особо дальновидным, а тут чего только стоит упор на армию из простолюдинов! Да они же разбегутся при одном появлении блестящих и закованных в дорогую сталь рыцарей на тяжелых рыцарских конях!

Но не разбежались, хребет Мунтвига сломлен, теперь пора возвращаться и... не восстанавливать статус-кво, как ожидают даже мои полководцы, нет уж, нет уж. Мы пойдем другим путем, как сказал один мудрец.

Хорошее в этой непростой ситуации то, что дает мне как бы законное право применить репрессивные меры. То есть на этот раз произведу не просто захват власти или ее возвращение законному правителю, точнее себе, введу новые порядки, накажу виновных в мятеже и установлю такие рамки правления, чтобы риск новых мятежей свести к минимуму.

Это, конечно, официальная версия, которую поймут и примут. А настоящую пока оставлю только в своей голове, да и то в самом дальнем уголке, а то я себя знаю.

И вообще хватит с уклонением от ответственности. Уже видно, к чему оно привело. Возможно, объяви я себя королем раньше и скажи, что все посягательства на мою власть будут караться усекновением головы, ничего б этого не произошло.

А если бы и произошло, то не везде и не в таких масштабах. Все-таки одно дело – отнять земли и трон Ламбертинии у эльфийки или в Мезине, где я что-то вроде комнатной собачки, другое – у самого короля Ричарда Завоевателя!

И хотя понятно, за спиной эльфийки как бы тоже я, но мало ли кого и где поддерживаю. Это не совсем то, что я сам. На эльфийку могу и рукой махнуть, других забот хватает, а вот посягнуть на земли самого Ричарда – это посягнуть на его честь, достоинство, вес в обществе, и тут уж он в ответ камня на камне не оставит, утверждая и доказывая!

В лагере при моем появлении сразу подтянулись и забежали быстрее, все-таки людям нужен надсмотрщик, я и сам

такой, но здесь заставлять себя самому, а такое куда труднее.

Зигфрид у моего шатра быстро шагнул навстречу.

– Ваше Величество, шатер свободен.

Я нахмурился.

– Ты что, удавил королеву?

– Еще нет, – ответил он честно. – Просто ее величество изволили отбыть к своим лордам, что расположились во-о-он там!

Я проследил взглядом, в лагере мезинцев как будто за ночь прибавилось народу.

– Ладно, пусть...

Он спросил деловито:

– Теперь в Сен-Мари? Или будем ждать всю армию.

– Нужно в Сен-Мари, – сказал я, – но маяк еще важнее...

Хотя, впрочем, как я забыл...

– Ваше Величество? – спросил он.

Я нетерпеливо отмахнулся.

– Все в порядке. Занимайся делами, то есть бди, а я пока подумаю... Ко мне пока никого не пускать! Король изволит думать.

В шатре я сразу вытащил Зеркало Горных Эльфов. Огромная энергия требуется на перемещения, но на простой просмотр нужно на порядок меньше, а за эти несколько дней могло бы уже и подкопить, как мне кажется.

За стенкой шатра то и дело голоса заставляют нервничать, потому не стал раздвигать рамки, оставив тем же, почти кар-

манным, только со стороны входа прикрыл картой и, уставившись в матовую поверхность, где едва вижу свое отражение, начал представлять вершину холма, где посадил в землю, как зернышко дерева, зародыш маяка, как его называю, хотя это скардер, и неизвестно, что он еще делает и для чего служит.

Долгое время по матовой поверхности плавали блеклые пятна, затем нечто черно-белое, вернее, серое, и когда я уже начал скрипеть зубами и молча яриться, увидел сверкающе снежно-белый конус, что дюймов на пять поднялся над землей.

Вокруг него что-то вроде дымки или же мелкой водяной пыли, в ней переливается радуга, как догадываюсь, цвета все еще смазаны... хотя нет, если продолжать всматриваться до рези в глазах, то проступают и цвета, хотя пока что блеклые, едва различимые.

– Заработало, – прошептал я с таким облегчением, что можно бы расплакаться, будь я в самом деле урожденным рыцарем, это они всегда падки на бурное выражение или, как тогда говорили, изъявление чувств, сдержанны только простолюдины из-за их нечувствительности и даже бесчувственности, тупости и животного равнодушия.

Но мир меняется стремительно, скоро все будет наоборот, рыцари погибнут, первыми принимая на себя все удары, а простолюдины будут с равнодушными мордами резать друг друга и гордиться своим хладнокровием.

Когда я вышел, Зигфрид спросил торопливо:

– Ваше Величество! Что-то радостное?

– Да, – ответил я. – Маленький шажок к великой победе.

Хоть и черепаший, но все же... Тьфу-тьфу, только бы не последний... Позови Альбрехта и Норберта.

Глава 3

За шатром слышались приближающиеся голоса. Зигфрид откинул полог, пропуская вовнутрь Альбрехта и Норберта, после чего закрыл и сам отошел, слышу по шагам, не желает подслушивать королевские тайны и другим не даст.

– Граф, – сказал я Альбрехту, – отправляйтесь к Тоннелю. Без всякого там, просто берите людей и галопом. Ситуация неясна. Кто там его охраняет, непонятно.

Он посмотрел на меня с подозрением.

– Вы говорите так, будто посмотрели в магический кристалл, а он заплеван с другой стороны!

– А что, – спросил я с жадным интересом, – есть такие?

Он кивнул.

– Бывает, плюют с обеих сторон. Не всем нравится то, что видят. Некоторые плюют даже в зеркало.

– В самом деле, – уточнил я нетерпеливо, – такие кристаллы существуют?

Он кивнул в сторону Норберта.

– Барон Дарабос говорит и даже утверждает. Дескать, все еще есть, а кому нам верить, если и его назвать брехлом? И даже не заплеванные. У кого кристалл, у кого кольцо, чтоб в дырочку зреть дальние места, у кого еще что-то.

Норберт буркнул:

– Если не врут, конечно. Хотя, с другой стороны, говорят

слишком часто. Что-то, может быть, и есть.

– Нет, – с жалостью ответил я, – у меня кристалла нет. Если наткнетесь где, немедленно реквизируйте на государственные нужды ввиду стратегической ценности такого сырья.

Альбрехт спросил с таинственным видом:

– Но что-то же у вас есть, Ваше Величество?

– Пока что, – пояснил я, – эти штуки заменяет моя замечательная и мудрая, как я сам, интуиция. Недаром же она моя. Но все же я сам больше доверяю всяким этим кристаллам, чем себе, они дурные и показывают всегда правду.

– Ясно, – бодро сказал Альбрехт. – Будем искать.

– Если бы попало, – пояснил Норберт, – уже бы реквизировали.

– Потому, – сказал я, – сперва нужно понять на основании других данных, придется ли воевать за Тоннель или же он пока что в руках друзей.

Норберт кивнул с самым серьезным видом.

– А также хорошо бы узнать судьбу турнедских армий.

– Они не турнедские, – возразил я сердито. – Уже доказали верность и преданность моему Величеству, тогда высочеству, а то и всего лишь какой-то там светлости, уже и не помню!

– Помню-помню, – буркнул он. – Стальграф Филипп Мансфельд пожалован титулом лорда Галекширского с вручением в пользование королевства Жемчужных Ключей, а рейнграф Чарльз Мандершайд получил земли королевства

Сильверланд... Это неслыханная щедрость, так что для верности достаточно.

Я поморщился.

– Думаю, у них есть и более весомые причины.

Норберт смолчал, Альбрехт обронил с сомнением:

– В самом деле?

– Оба видят во мне завоевателя, – огрызнулся я. – Не забывают, они до мозга костей прирожденные вояки. Гиллеберд умел подбирать людей. И оба уважали Гиллеберда за его замашки завоевателя, а не за сидение на троне.

Альбрехт промолчал, взгляд остается встревоженным. В самом деле, начиная очень рискованный рейд отдельной ударной армии в земли самого Мунтвига, я всем послам, дружественным и недружественным королям говорил о неисчислимых полчищах, которые якобы прут за мной следом, но на самом деле армии Меганвэйла и Шварцкопфа оставил на границе Варт Генца и Скарляндии встречать полчища Мунтвига, а наиболее закаленные в боях и хорошо укомплектованные армии стальграфа и рейнграфа оставил в Сен-Мари, поручив им охранять любой ценой наиболее стратегически ценное для меня: бухту и строящийся флот.

А сейчас это можно использовать как мою мудрость и предусмотрительность, дескать, предвидел, знал, чувствовал. Интуиция велела не брать с собой в поход, а оставить в стратегическом резерве, и вот теперь все видят мою гениальность. Это же практически половина моих сил для начала

операции «Возвращение Сен-Мари»! Или, может быть, называть «Возвращение короля»?.. Хотя королем тогда еще не был...

Однако хорошо помню, что в последнем нашем разговоре с Кейданом, больше похожем на поединок с оружием в руках, он сразу же указал мне, сволочь, на очень уязвимые места моей расстановки сил. Армия стальграфа по моему поручению прикована к месту, охраняя порт и флот, а рейнграф растянул войско вдоль всего побережья Сен-Мари, оберегая от вторжения пиратов.

– Допустим, – сказал Альбрехт, – оба устояли перед посулами Вирланда Зальского принести ему присягу, как единственному властелину Сен-Мари...

– Не допустим, – сказал я, возвысив голос, – а наверняка!

– Допустим, – сказал он невозмутимо, – что наверняка.

Но обе армии в очень невыгодном месте.

– Я что, не знаю?

Норберт напомнил Альбрехту:

– Армия сэра Филиппа собрана в один могучий кулак.

– Зато, – возразил Альбрехт, – лишена возможности маневра из-за приказа охранять бухту. Про растянутую в тонкую линию армию сэра Чарльза и говорить нечего: за спиной только океанские волны, не отступить.

– Все равно предпочтут сражаться, – сказал я, но сам чувствовал, что голос мой прозвучал не слишком уверенно.

Он посмотрел на меня с сочувствием.

– Вирланд Зальский, у которого в руках вся верховная власть в Сен-Мари, слывет не только опытным полководцем. Ваше Величество, вы сами убедились, что политик он еще тот, когда он сумел отыскать наиболее выгодную для себя тактику.

– И остался единственным в Сен-Мари, – согласился я, – кто так и не принес мне присягу.

– Наверняка, – сказал Альбрехт, – он выберет стратегию, что приведет к победе. Сам он один из богатейших людей королевства, владеет огромными землями на севере страны, через которые предстоит пройти, если прояснится ситуация с Тоннелем.

– погоди, – сказал я, – он остался единственным непобежденным потому лишь, что ушел от сражений и заперся в крепости Аманье, что блокирует дорогу в земли его сторонников. Он сам как-то говорил мне, что устал воевать и жаждет покоя, тем более что заполучил наконец-то женщину своей мечты.

– Полагаете...

– Да, – сказал я. – Он будет действовать уговорами и угрозами. Мягким, но непрекращающимся давлением. Вступить в битву с этими двумя прекрасно обученными и закаленными армиями... такая победа обойдется ему разорением половины Сен-Мари. Или хотя бы трети.

– Но победит.

– Он предпочел бы почетную сдачу, – сказал я. – И дал бы

обоим графам, скажем, титулы герцогов и огромные земли.

– Откуда их возьмет?

– В Гандерсгейме, – напомнил я. – Там ведь все мое, помните? Еще император пожаловал его мне вместе с титулом маркграфа. Так что Вирланд мудер и осторожен. Думаю, он и с нами начнет долгие и занудные переговоры. А это проигрыш.

Альбрехт спросил с интересом:

– Перемудрите?

Я покачал головой.

– Нет, время работает на нас. Подойдет вся огромная армия. Сломившая хребет Мунтвигу. Потому иногда оперативность в принятии решений лучше мудрой осторожности.

Норберт пробормотал:

– Вирланд может с вами воевать, но... отнять ваши личные владения? Пожалованные, как мы помним, императором лично?

– Вы же знаете, барон, – напомнил я, – на императора здесь всем чихать. В летописях да, пугающие записи, что он однажды присылал некие корабли с такой армией, перед которой ничто и никто не мог устоять. Но это когда было!

Он кивнул.

– Все верно, Ваше Величество. За это время то ли император смирился с потерей заокеанских владений, то ли на юге у него проблемы такие, что не до нас...

– Но особо дразнить его не стоит, – предостерег Аль-

брехт. – Кто знает, вдруг да император там уже разобрался?

Я сказал нетерпеливо:

– Не будем терять время, его у нас почти нет. Граф, вы к Тоннелю!.. Узнать и доложить. Дело серьезное, могут понадобиться ваши дипломатические способности. Барон, выберите лучших, вы тоже к Тоннелю, а дальше на ту сторону. Возможно, я вас догоню.

Норберт сказал хмуро:

– Ваше Величество, не вляпайтесь в неприятности. Вы теперь король, а не какое-то его высочество.

– Встретимся у Тоннеля, – сказал я.

Издали долина Отца Миелиса кажется идеально ровной, только в самой середине небольшой пупырышек, именно там я и посадил на вершине зернышко скардера, который я упрощенно называю маяком, хотя это вряд ли маяк или только маяк.

По обе стороны крупные и быстро развивающиеся города Штайнфурт и Воссу, отец Дитрих из обоих призвал половину священников, теперь те постоянно ходят крестным ходом вокруг холма, а другие творят молитвы перед группами любопытствующих или встревоженных горожан, прибывших посмотреть, что здесь творится.

Сердце затрепетало, я задержал дыхание. На вершине холма, больше похожего на огромный каравай хлеба, грозно и страшно поднимается уже высокая, ярдов в пять, абсолютно

белая глыба, грозно поблескивающая острыми гранями, по форме похожая на сильно удлинненную сосновую шишку из металла.

Охрана рассредоточена редкой цепью вокруг холма, но, к счастью, никто не ломится взглянуть на страшную вещь вблизи.

Священники медленно идут по кругу вокруг холма, все в темных плащах с надвинутыми на лица капюшонами.

Я подъехал ближе, поинтересовался с высоты седла:

– Святые отцы, я король Ричард, если еще не узнали. Мне нужно повидаться с отцом Дитрихом.

Священники меня проигнорировали, продолжая читать молитву, церковь выше любых королей, только один, помоложе, поднял голову, явно еще не проникся клановым духом.

– Ваше Величество, – ответил он почтительно и совсем юным голосом, – архиепископ Сен-Мари, прелат Его Святейшества, верховный инквизитор, примас всей Армлиандии, Турнедо, Варт Генца и Скарляндии, святой отец Дитрих сейчас в часовне...

Он указал взглядом на деревянную часовню, свеженькую, собранную наверняка воинами за пару часов.

«Молодец», – сказал я ему взглядом. И мне ответил, заслужив мой одобрительный и теперь уже королевский взгляд, и священникам показал, что он с ними, вон как щелкнул по носу этого королька, посмевшего назвать великого инквизитора всего лишь отцом Дитрихом.

Бобик ринулся к часовне, как только услышал сметливого священника, все понимает, толстомордик. Но вбежать туда не посмел, быстро запоминает наши тонкости этикета. А когда мы прибыли с арбогастром, уже сидит на широкой заднице и делает вид, что и живет здесь, а мы с конем какие-то понаехавшие.

Из часовни вышел худой священник со строгим лицом, вздрогнул, увидев огромного Бобика, что начал рассматривать его с интересом, увидел меня, я уже покинул седло, степенно поклонился.

– Сэр Ричард...

Большинство духовных лиц продолжают называть меня по имени, подчеркивая, что для церкви неважны титулы, все люди от Адама, и только добавляют «сэр» для учтивости.

– Святой отец, – ответил я так же вежливо, это проще, чем сперва выяснять его церковный титул, – верховный инквизитор сейчас там внутри?

Его суровое лицо чуть-чуть, совершенно неуловимо, потеплело, я понял, что он тоже инквизитор, а доволен потому, что я из всех званий отца Дитриха упомянул именно его должность дознавателя, все-таки само слово «инквизитор» означает «следователь».

– Он там, – ответил он сухо, но я понял, что это не сухость в отношении со мной, а просто за годы работы следователем такого насмотрелся и наслушался, что теперь и вид у него инквизиторский, и голос, и манеры. – Беседует с Господом.

– У него хороший собеседник, – согласился я. – У Господа, кстати, тоже.

Губы священника чуть дрогнули, что могло означать улыбку, он поклонился и прошел мимо. Бобик проводил его обвиняющим взглядом и горестно вздохнул, так безумно давно никто не бросал ему бревнышка.

В часовне прохладно, я переступил порог. В небольшом тесном зале отец Дитрих сидит спиной ко мне, я остановился и прислушался, хотя это, конечно, нехорошо, но как много интересного можно узнать, а главное, полезного!

Похоже, отец Дитрих говорит не с Господом, голос хотя и вежливый, но без особого почтения, обычный деловой разговор, вот только зря я напрягал свой музыкальный и прочий слух, общение идет на латыни, а здесь я не силен, хотя пару слов узнал, но узнал в том смысле, что как-то слышал в крылатых фразах, а то и сам произносил, не вдаваясь в то, какое из них что значит.

Отец Дитрих услышал мои нарочито громкие шаги, быстро свернул разговор, обернулся, глаза очень живые, явно разговор шел неплохо.

Я преклонил колено.

– Отец Дитрих...

Он перекрестил мою склоненную голову, я поцеловал его руку и поднялся.

– Отец Дитрих, у меня такой камень с души! Прямо с грохотом. Даже земля дрогнула.

Он кивнул.

– Понимаю. Я тоже радуюсь и надеюсь, что хотя бы эта часть пойдет по плану. Твой маяк растет...

– Наш маяк, – уточнил я. – Я только отыскал зернышко, а выращиваете вы, отец Дитрих. Эх, знать бы, сколько оно еще расти будет!

– И успеем ли, – добавил он трезво. – Как я понимаю, не начнет сообщать о себе, пока не... созреет. Бабочки и пчелы не летят на цветок, который еще не распустился, а только когда раскроет лепестки и сообщит всем о себе.

– Хорошая аналогия, – поддержал я. – Но будем надеяться. Ничего другого не остается. Теперь узнать бы, что из себя представляет сам Маркус... и чем с ним бороться! Вряд ли лобовая атака рыцарской конницы что-то даст... Охрана холма не слишком жидкая?

– Я уже запросил еще две тысячи человек, – сообщил он, голос сразу стал суше. – А тех, что были, пришлось отдать в помощь инквизиторам.

– Много работы? – спросил я.

– Больше, – ответил он, – чем хотелось бы. Очень много выступающих за карающую длань Господа. Дескать, наступает Страшный суд, все погибнут, праведных сразу в рай, неправедных в ад. И не нужно терпеть все тяготы земной жизни.

– Да, – согласился я, – таких надо в застенки.

Он поморщился, покачал головой.

– Таких не трогаем. Я велел брать тех, кто подбивает народ идти на холм и повалить это железное дерево дьявола. Дескать, здесь пытаются помешать свершиться Божьему Суду, потому нужно казнить этих еретиков народным судом.

– Народным, – уточнил я, – это без суда?

Он посмотрел с иронией.

– Еще не запомнил? Любой закон лучше беззакония. В общем, вчера пришли два отряда по пятьсот человек, я сразу велел схватить наиболее фанатичных.

– Они в застенке?

Он вздохнул, но взгляд оставался прям и строг.

– Нет. Ты же знаешь, что такое застенки инквизиции. Схваченных просто не сумели довести до тюрьмы. Те пытались совершить побег, их перебили.

Я сказал поспешно:

– Сейчас везде чрезвычайное положение. А при чрезвычайном и меры чрезвычайные.

– Ты все еще один? – спросил он. – Без свиты?

– Скажу правду, – заявил я. – В целях собственной безопасности я взял за правило нигде особенно долго не задерживаться. Убийцы заморятся бегать за мной по всем королевствам!

Он улыбнулся, оба знаем, что это не совсем правда, но народу и лордам нужно правдоподобное объяснение, а это годится больше всего, так как покушения на жизнь царствующих лиц – профессиональный риск, и защищаться можно

разными способами.

– Мы стараемся вовремя нейтрализовать этих проповедников апокалипсиса, – сказал он. – Человек – странное существо. На хорошие новости не обращает внимания, а плохим как будто рад и начинает распространять их с огромным удовольствием.

– А если тем же концом в то же место? – спросил я.

– Это главное, – пояснил он. – О Маркусе можно говорить разное. Они свое, мы – свое.

– Отец Дитрих, – сказал я, – как-то заспорили знатоки по какому-то моменту в Библии. Наконец старший взмолился: «Господи, покажи, что они не правы, яви чудо, заставь реки течь вспять!» Прогремел гром, реки потекли вспять, но толкователи лишь пожали плечами, дескать, а при чем тут реки, это не доказательство. Снова спорили, доказывали, нашли еще варианты, наконец старший снова вскричал: «Господи, покажи и что они ошибаются, заставь дождь пойти из земли!» Блеснула молния, прогремел гром, прямо из земли ударили струи дождя и пошли падать в небо.

Отец Дитрих спросил с интересом:

– И тогда не поверили?

– И это не убедило толкователей Библии, – сказал я, – дескать, и такое возможно, подумаешь! Старейшина вскричал в отчаянии: «Господи, ну скажи же им, что ты сказал именно так, как записано, а совсем не то, что они тут твердят!»

Отец Дитрих хмыкнул.

– И что?

– В небе раздвинулись тучи, – сказал я, – и могучий голос прогрехотал сверху: «Это я, ваш Творец подтверждаю, что именно так я и сказал!» На что толкователи только пожали плечами, а один поднял голову к небу и возразил: «Ты дал нам законы, а толковать их – наше дело!»

Отец Дитрих рассмеялся, но прозвучало это горько.

– Ну да, если бы Господь жил на земле, люди каждый бы день били в его доме окна... Кажется, догадываюсь, сын мой, зачем ты рассказал мне эту притчу. Но это очень опасная дорога.

– Господь дал нам не только законы, – напомнил я. – Но и свободу воли, чтобы мы могли толковать их применительно к. Иначе вымерли бы даже с самыми лучшими законами!

Он покачал головой.

– Подумай хорошенько.

– Отец Дитрих, – сказал я наигранно бодро, – вы меня пугаете. Неужто я прущу не по той дороге?

– По той, – ответил он, но голос прозвучал тревожно, – но твоя особенность в том, что можешь с одинаковой легкостью пойти как по одной, так и по другой.

Я поклонился.

– Отец Дитрих, не буду отрывать вас от дел...

Он перекрестил меня.

– Иди с Богом, сын мой, и неси тяжкую ношу дальше. Господь никого не нагрузит больше, чем тот может вынести.

Глава 4

Я заканчивал большой круг вокруг холма, прикидывая, откуда может прийти опасность, когда за спиной простучали быстро приближающиеся конские копыта.

Немолодой рыцарь с серьезным суровым лицом круто осадил коня, едва я повернулся к нему.

– Ваше Величество, – прокричал он. – Барон Гастон Келляве к вашим услугам. Поставлен охранять этот холм и ту штуку, которые вы водрузили. У меня вот там шатер, Ваше Величество! Он в полном вашем распоряжении, а я переночую у костра с солдатами.

– Барону не к лицу ночевать с солдатами, – обронил я.

– Это мои люди, Ваше Величество, – возразил он с некоторой гордыней. – И, думаю, там есть и достойнее меня.

– Хорошо сказано, – заметил я, лицо рыцаря нравилось, открытое и честное. – Барон, не беспокойтесь. Я просто волнуюсь за этот маяк...

– Это будет маяк, Ваше Величество?

– Да, – ответил я, – но ночевать некогда, я сейчас же отправлюсь обратно.

Он взглянул на небо.

– Надвигается ночь, – проговорил он тревожно, – Ваше Величество, лучше ее переждать здесь. Да еще с бурями и грозами, посмотрите на тучи!..

Я ответил со вздохом:

– Однажды, когда Помпею нужно было срочно отплыть в Рим, поднялась буря, и кормчие не решались сняться с якоря. Тогда Помпей первым взошел на борт корабля и, приказав отдать якорь, вскричал: «Плыть необходимо, а жить – нет!»

Он криво улыбнулся:

– Не знаю, кто такой этот Помпей, но сказал он хорошо. Неумно, но красиво.

– А кто из нас живет умно? – ответил я. – Всех нас толкают, тянут и подгоняют страсти, а ум сопит в сторонке в тряпочку. Так что бдите, барон, и охраняйте этот холм любой ценой! Кто бы ни попытался прорвать цепь охраны, убивайте без жалости!

Он отсалютовал.

– Все сделаю, Ваше Величество. Еще раз, вон там мой шатер. Потом буду показывать внукам и правнукам.

– Зайду, – пообещал я, – однако ночевать не останусь, это точно.

Он отсалютовал и унесся к своим людям, вскоре оттуда на быстрых конях примчались двое, один отсалютовал и сказал почтительно:

– Ваше Величество, барон Келляве отправил нас служить вам и охранять!

– Зря он это сделал, – буркнул я. – Вам придется нелегко...

В шатре чисто и уютно, хотя мне без разницы, я сел за стол и, прислушиваясь к тому, что за стенкой шатра, вытащил Зеркало Горных Эльфов. Выглядит мертвым, но все равно поэкспериментировал, тыкая пальцем в свое отражение. Когда-то же там накопится достаточно энергии если не для превращения зеркальной рамы в портал перемещений, то хотя бы для наблюдений.

Пока глухо, но теперь нужно делать это ежедневно, а потом запомнить, сколько времени нужно на вуайаризм, сколько на пролезание через портал моей персоной, а сколько с моими двумя четвероногими друзьями...

Послышались приближающиеся шаги, я поспешно сунул зеркало в сумку и, застегнув, сделал вид, что мыслю над глобальными проблемами, деятель моего масштаба может без ущерба для своего имиджа мыслить только в таком ракурсе.

Приоткрыв полог, в щель просунулась голова одного из воинов.

– Ваше Величество, – выпалил он. – Из города в нашу сторону прет толпа!

– Враждебная? – спросил я. – Или паломники?

– На паломников не похоже, – сказал он быстро. – Там уже неделю бродячие проповедники подбивают народ разнести здесь все.

– Готовьтесь драться, – велел я.

Он исчез, я торопливо перекинул сумку через плечо и пошел на выход. Такого испытания еще не было, чтобы не с

монстром сойтись грудь в грудь в смертельной схватке, а с простым народом, что идет в бой «за правду и справедливость», как он считает, а не воровать и грабить.

У подножия холма охраняющие его воины начали стягиваться в одну сторону. От городских ворот далекого города уже показалось темное пятно, плывущее в нашу сторону по земле, словно тень от тучи.

Бобик подбежал, заглянул в лицо, глаза из теплых коричневых стали багровыми, а из горла вырвалось глухое низкое рычание.

– Нет-нет, – сказал я с тоской, – нельзя же их... Не ведают, что творят...

Арбогастр тоже в сторонке перестал жевать нечто хрустящее, поднял голову и вслушался.

Толпа еще далеко, но видно, как из городских ворот продолжает выдавливаться эта масса черного люда. Он черный еще и потому, что все в темном, «немарком», в то время как благородные обычно рядятся в яркие цветные одежды, но эта чернота пугает, словно наступает тяжелая и вечная ночь.

Я оглядывался в беспомощности, торопливо перебирал все свои возможности, умения и амулеты, но тут не помогут ни умение ходить сквозь стены, ни волшебные мечи, ни какие-то еще орудия убийства, которых у меня больше всего.

Бобик развернулся, гавкнул. В нашу сторону спешит большой рыцарский отряд, во главе рослый и явно молодой, судя по лицу и фигуре, лорд, надменный и гордый, за спиной

красиво и величественно развевается белый плащ, а спереди во всю грудь пламенеет огромный красный крест, как святой рыцарский обет совершить подвиг.

Шея коня сверху накрыта широкими стальными полосами, стальной налобник с затейливыми вырезами для глаз вообще превращает его в некое чудовище вроде дракона.

Я рассматривал его бесстрастно, как и положено королю, а он с достоинством покинул седло, сделал несколько шагов в мою сторону и преклонил колено.

– Ваше Величество...

Я выждал пару необходимых по этикету мгновений и ответил ровно:

– Поднимитесь, сэр.

Он встал и сказал быстро:

– Баннерный рыцарь Кенговейн, прислан графом Гуммельсбергом. Он послал нас сюда и велел охранять холм с этой штукой. Предупредил, что из обоих городов сюда могут двинуться целые толпы разъяренных горожан...

– Гуммельсберг, – повторил я, – Гуммельсберг... Предусмотрительный у вас сюзерен. Он так и сказал?

Он посмотрел на меня с укором.

– Граф Гуммельсберг?

– Вы его родственник? – спросил я. – Или верный вассал?.. Хотя да, сэр Альбрехт старается, чтобы комар носа не подточил. Сколько у вас человек?

– Пятьдесят, – сообщил он и, заметив, как дернулось мое

лицо, добавил торопливо: — Но это испытанные в боях люди!

— А есть ли у них опыт и умение рубить и разгонять безоружных горожан? — спросил я. — То-то. Они уже прут сюда. Граф Гуммельсберг все предусмотрел в точности. Даже как будто и время рассчитал.

Он повернулся в сторону города, всмотрелся в двигающуюся в сторону холма толпу, уже долетают отдельные крики, его лицо не изменилось, сказал важно:

— Думаю, Ваше Величество, их надо остановить.

Я изумился:

— Правда?

И снова он не понял, кивнул с достоинством, гордый, что подсказывает самому королю, неспособному понять такую простую вещь.

— Да, Ваше Величество.

— Развертывайте отряд, — велел я, — пока посмотрю, что там за народ сюда поперет. Мерзкое дело нам предстоит, но, что делать, придется и свой народ рубить, если придется защищать его же самого от самого себя.

Со стороны города ползет темная тень от сверкающего грозными огнями облака в небе. Я судорожно протер глаза, что-то у меня со зрением, какая тень, это же прет в нашу сторону темная масса народа, уже распаленного справедливым гневом.

Во главе, что заметно сразу, трое или четверо вожаков то

ныряют в толпу, то вырываются вперед, заметные лидеры, без которых любая толпа просто спит.

Сейчас они всячески подогревают свой энтузиазм криками и жестами, призывая людей идти и сокрушить, конечно же, еретиков и нарушающих волю Господа. Толпа прет, как весеннее половодье, что в грязной воде несет мусор, смытые с берега и разбитые вдребезг сарайчики и курятники, кусты, трупы животных, обломки не успевшего растаять льда, и снова грязь и грязь...

Я остановил арбогастра, еще не зная, что и как делать. Но остановить, как глубокомысленно сказал этот баннерный сэр Кенговейн, этих обманутых дураков надо, хотя когда я слышу такое и таким тоном, то так и подмывает сделать наоборот, будто выслушал женщину.

– Бобик, – сказал я строго, – останешься здесь.

Во главе толпы напористо двигаются, как ни странно на первый взгляд, священники, но, с другой стороны, почему странно, именно священники и раздирали единый плащ Христов, умело наброшенный на всю Европу такими гигантами, как Тертуллиан и Августин. Лютер был священником, как тот же Кальвин, Гус или даже Коперник, но церковь разодрали на крупные и мелкие куски.

Толпа прет яростная и уже взвинченная, перекошенные лица, крики, вскинутые кулаки, а священники потрясают крестами. С нашей стороны вперед выступили тоже священники и, прижимая к груди Библии, начали с неистовым ис-

ступлением читать молитвы.

Наступающие идут без Библий, но у всех во вскинутых руках кресты, у кого размером с нательный, у кого напоминает боевой топор, а лица яростные, в глазах праведный гнев и жажда разметать в клочья еретиков, посмевших... непонятно что, но все равно посмевших пойти против Господа, пытающихся воспротивиться его воле!

Я выехал вперед, вскинул руку и, привстав на стремянах, заорал:

– Вас не пугает гнев Божий?

Толпа даже не остановилась, только передняя часть чуть замедлила движение, так половодье нехотя поднимается на пологий холм и быстро обходит его по краям.

Я в бессилии стиснул челюсти. Когда толпа, не помогут ни зачарованный меч, ни доспехи, ни могучий конь и пес. Если фанатики, то сомнут числом, задавят массой. Толпа дураков опаснее дракона.

Они обошли меня, словно гранитный обломок скалы, и поперли в сторону холма, а там, как я смотрел в бессилии, слишком жиденькая цепочка охраны. Прорвать ее не составит труда, а сам маяк вряд ли сумеет себя защитить. Во-первых, это явно не военная штука, во-вторых, еще только строит себя, беззащитнее птенца орла.

Арбогастр развернулся вслед толпе и недовольно похрюкивает, не понимает, чего я жду. Судя по размерам, здесь не меньше двух тысяч идиотов, что верят, будто это Господь

послал карающий меч на человечество. А не шарахнул сразу, это чтобы дать покаяться, как твердит церковь, завещать ей все имущество, об этом священники не забывают, признаться во всех грехах, получить отпущение... за пожертвование церкви, понятно.

Ладонь моя, то и дело прыгающая, как лягушка, на рукоять меча, будто сама по себе скользнула к седельной сумке. Я торопливо расстегнул ремни и выхватил клетку, что сейчас не больше грецкого ореха, чуть увеличил ее и сказал свистящим шепотом:

– Эй, не спишь?

Крохотный красный воин, размером с фараонового муравья, лежит в позе чемоданчика, на хлынувший сверху свет не повернул голову.

– Так ты в самом деле, – спросил я, приглушая голос, – принес мне клятву?

Он поднялся, странно медленно для таких размеров, ухватился крохотными пальчиками за едва видимые прутья.

Голос его прозвучал тоньше комариного писка:

– Я же сказал, мой лорд! Моя клятва нерушима, ты это знаешь.

Я медленно наклонил голову, одолеть этого демона удалось почти чудом, второй раз может и не получится, но в последнее время в самом деле отчетливо понимаю, когда врут, а когда не врут.

– Я тут на досуге, – сказал я небрежно, – его у королей

девать некуда, поразмышлял, повспоминал и отыскал заклятие для этой клетки. Подумать только, ее можно сделать в сто раз мельче макового зернышка!.. Даже в тысячу.

Красный гигант вскричал тем же комариным голосом:

– Мой лорд, ты же этого не сделаешь?

– Нет, – ответил я великодушно. – Но все кому-то служат, а я все это время придумывал, чем тебя озадачить.

– Но я буду служить! – донесся писк. – Я дал нерушимые клятвы! Мы обязаны служить тем, кто сильнее нас.

– Хорошо-хорошо, – сказал я торопливо, – я тебя выпускаю. Как твое имя?

– Феррун, – ответил он. – Только назови его, и я снова окажусь перед тобой, господин!

– Хорошо, – сказал я. – Вот тебе задание. Видишь толпу, что уже прет на холм? Ее надо...

– Уничтожить?

– Только в крайнем случае, – ответил я. – А лучше всего погнать обратно. Без жертв, если получится. Но если с жертвами... что ж, великие цели требуют и великой платы...

Он сжался, ухватился за прутья, а я сосредоточился и проговорил длинейшее заклинание из книги Уэстефорда, стараясь выдерживать темп, интонации и не перепутать ударения.

В какой-то миг казалось, ничего не случилось, однако после недолгого раздумья клетка пошла ввысь и в стороны. Путья раздвинулись сами, воин из красной стали поспешно

шагнул наружу, пока еще мне до колена, но быстро вырос и снова стал на голову выше, шире в плечах, а изо рта плеснуло язычками багрового огня.

Арбогастр беспокойно переступил с ноги на ногу, а Бобик встал со мной рядом и угрожающе зарычал.

Я ощутил беспокойство, когда прежняя раскаленная глыба металла повернулась ко мне всем корпусом.

Глазницы заполнились оранжевым огнем, он прорычал: – Повинуюсь, мой лорд.

Арбогастр как будто вздохнул с облегчением, когда этот Феррун с огромной скоростью метнулся вслед за толпой.

Мы не двигались, а красный гигант возник уже перед прущим наверх народом, которому осталось до маяка несколько шагов. Мы отчетливо видели, как он вскинул руки, между ладонями вспыхнула ветвистая багровая молния.

Через мгновение между ним и людьми взвилась жаркая стена огня. Послышались крики, сзади напирают, передних выдавило в огонь, крики стали душераздирающими, а Феррун потряс вскинутыми руками и сжал кулаки.

Молния сорвалась с растопыренных пальцев и ударила в землю прямо перед напирющими. Стена огня начала расширяться, тесня толпу с холма, но задние продолжают напирать, я устрешенно видел, как передние ряды исчезают в огне.

Наконец, ужас охватил всех, но отступали сперва неохотно, потом все быстрее, наконец бежали, падая и вскрикивая,

когда по их спинам, как табун, промчались остальные.

Огненная стена погасла. Багровый гигант поклонился издали, из-под ног у него выметнулся огонь, и он исчез, то ли погрузившись в землю, то ли распавшись на искры.

– Слава богу, – сказал я дрожащим голосом. – Да примет Господь души этих обманутых дураков... а мне их все равно почему-то не жалко. Хотя да, понимаю, не ведают, что творят... а вот все равно не жалко. Статистика это, всего лишь статистика. И ничего кроме... не отвлекайся, дурак, на жалость, не отвлекайся...

Я собирался отбывать обратно, однако разведчики сообщили, что в нашу сторону направляется большой отряд бурнандской конницы. Во главе двигаются всадники со знаменами, на которых изображен большой черный ворон.

– Королевские знамена, – определил я и, поймав взгляд Норберта, пояснил: – Там королем Эдвин Рафнсварт, что значит на их наречии «Черный Ворон». Хорошо, хотя и непонятно... Ах да, мы договорились заключить союзный договор, но так и не подписали.

Он сказал с одобрением:

– Король не дурак. Спешит подписать, чтобы не остаться за его пределами. Для него это может быть опасно.

– Принять со всеми почестями, – распорядился я. – Это достойный король и мудрый человек.

– Ну да, – согласился он. – Если делает то, чего вы от него

хотите.

Я посмотрел на него волком.

— А как иначе?

Вскоре мы увидели достаточно крупный отряд рыцарей, все одеты богато, кони под цветными попонами да еще и укрыты кольчугами, на главном знамени в самом деле большой черный ворон на красном полотнище, что означает, отряд возглавляет сам король.

Впереди могучий рыцарь в полных доспехах, но забрало поднято, вижу крупное загорелое лицо с короткой черной бородкой, а когда он обеими руками снял шлем и передал оруженосцу, на плечи упали густые смолянисто-черные волосы.

Я пошел навстречу, раскидывая руки в дружелюбном жесте. Он величаво покинул седло, чисто по-королевски неспешно и с достоинством.

Его коня тут же перехватили, рыцари спешивались, Рафнсварт шагнул ко мне, я сказал приветливо:

— Ваше Величество, всегда рад вас видеть!

Норберт поклонился, король Эдвин Рафнсварт выглядит настоящим королем, крупный и сильный, от него распространяется ощущение силы и власти, а это немаловажно для того, кто намерен удержаться на троне.

Мы обнялись в одно короткое касание, Рафнсварт поглядывает на меня испытующе. В прошлый раз, когда я как бы по дороге заскочил к нему, я держался весело и беспечно,

как гуляка праздный. Сейчас он видит перед собой сильно-го и властного лорда, что правит уверенно и наверняка без оглядки на недовольных.

– Прошу в мой шатер, – пригласил я. – Как вижу, вы были посмотреть на маяк?

Он кивнул.

– Этот маяк близ границ моего королевства, – сказал он озабоченно, – потому пошлю в ваше распоряжение всех рыцарей Бурнандии на смертный бой с угрожающей всем нам напастью.

– Уже можете собирать отряды, – сказал я твердо. – Маркус опустится вот-вот. Мы не знаем точный день, но видим, как он растет в небе.

– Буду присылать, – пообещал он, – по мере формирования. Думаю, через неделю придут первые герои, готовые на смертный бой и вечную славу.

– Отлично, – сказал я. Мы вошли в шатер, я указал на кресла, поинтересовался вежливо: – Кстати, как там барон Джильберт?

Он сел, взглянул на меня с некоторым удивлением.

– Вы его помните, Ваше Величество?..

– Да, – ответил я скромно. – Я же спас его шкуру от разбойников. Он, может, и забудет, но как я могу забыть о своей доблести, благородстве, великодушии, чувству локтя и геройстве...

– Ненадолго, – ответил он мрачно. – В смысле, ненадолго

спасли.

Я насторожился.

– Что так? Вы же помиловали?

Он поморщился, кивнул.

– Да. Но когда его отвели в тюрьму и объявили приговор, он начал протестовать, буяннить и требовать соблюдения его прав.

Я вскинул брови, поинтересовался:

– Это каких?

– Именно, – сказал он в раздражении. – Вы не поверите, но даже от его семьи пришло грозное требование не унижать их род оскорбительным помилованием!..

– И вы...

Он пожал плечами.

– А что мне оставалось? Я милостиво пошел навстречу требованиям гордого рода. По их настоянию барон Джильберт Шервин, мятежник, был обезглавлен на городской площади при некотором стечении народа. Много не было, мятеж начали забывать.

Я сосредоточился, создал две большие чаши с вином.

– Угощайтесь, кузен, с дороги. Жаль, то была такая чистая душа! Надеюсь, их гордый род не прервется?.. Ах да, у него двое малолетних сыновей...

Он взял чашу, хмуро усмехнулся.

– Хрутеры благоразумно женят своих еще в юности. И хотя в их роду мало кто умирает в постели, но род все разрас-

тается, сколько ни руби его ветви.

– К счастью, – сказал я, – сейчас рождаемость по десять-двенадцать детей на семью. Потому преступников экономически целесообразнее просто казнить, а не чикаться с определением степени вины. Другое дело, когда рождаемость упадет до одного-двух на семью...

Он сделал большой глоток, на мгновение прикрыл глаза от удовольствия, глотнул еще, потом спросил в непонимании:

– До одного-двух на семью? С чего вдруг такое случится?

– Да так, – ответил я уклончиво, – вдруг да произойдет нечто невероятное! Ну, это я провожу умственный эксперимент. Дикую догадку, в смысле.

Он пробурчал:

– Слишком дикую, чтобы даже высказывать вслух. Значит, советуете казнить чаще?... Я тоже как-то так подумываю, но церковь смотрит косо...

– Да, – сказал я, – казнить. Новые вырастут.

– Тех тоже казнить?

Я уточнил:

– Если преступники. Господь целые города уничтожал, не особенно вдаваясь, кто больше виноват, а кто меньше!.. Вот у кого размах и решительность, которых так недостает нам, постоянно смягчающим требования к человеку!

Он проговорил в нерешительности:

– Когда народ плодится так живо, то в самом деле чего его жалеть... С другой стороны, заповеди... милосердие...

– Заповеди нам даны на вырост, – пояснил я авторитетно. – Когда-нибудь дорастем и до милосердия. Либо по склонностям своей взрослеющей души, либо по чисто экономическим причинам, что, конечно, вероятнее.

Вошел сэр Норберт, с поклоном, подал два экземпляра договора на плотной веленовой бумаге. Все расписано, осталось только поставить подписи.

– Главное, – сказал я, заканчивая разговор о рыцарственном молодом бароне Джильберте, – род... это как бы один человек.

Рафнсварт и даже Норберт взглянули с некоторым удивлением, это же так понятно, род – это все, пока он живет, живут и все предки, давшие ему начало.

Норберт капнул сургучом, мы с Рафнсвартом закрепили свои подписи личными печатями, и тем самым договор вступил в силу именно с этого момента.

Я пожал руку Рафнсварту.

– Ваше Величество, поздравляю. Теперь все силы нашего Содружества в вашем распоряжении. Ни один враг не посмеет напасть на вас! А если посмеет...

Он улыбнулся.

– Ваше Величество, я думаю больше о выгоде взаимной торговли.

– Это несомненно, – подтвердил я и тоже поулыбался, мы же короли, к тому же кузены, все короли – кузены, хотя это и формальное обращение, но все же заставляет чувствовать

нечто родственное и требующее приходить друг другу на помощь, когда взбунтовавшаяся чернь всяких там графов и баронов попытается требовать уступок.

Глава 5

Отец Дитрих, как сообщили священники, сейчас в Штайнфурте, но когда я прибыл туда и сразу же помчался в городской собор, там с удивлением сообщили, что великий инквизитор не появлялся. Еще кто-то подсказал насчет замка графа Робера де Флера, видели, как отец Дитрих подъезжал к воротам.

Арбогастр пронес меня через городские районы легко и красиво, замок графа де Флера, как понимаю, тот краеугольный камень, вокруг которого выросли сперва вспомогательные постройки, а затем начали появляться дома ремесленников, торговцев. А дальше пошло по обычному пути, как возникают даже гигантские города, при виде которого потом никогда не подумаешь, что вот такая величественная столица огромного и могущественного государства началась с одинокого замка рыцаря-разбойника.

Рва и вала нет, как и стены вокруг замка, просто окружающие строения как бы почтительно отступили, давая простор и выказывая уважение. Мощное каменное здание выситя посреди небольшой площади, где раньше были укрепления, теперь снесенные и засыпанные, все выглядит красиво и строго.

От массивной двери вниз идут две широкие ступеньки, по обе стороны по стражу. Над входом каменная голова ужа-

сающего льва, но время стерло резкие черты, и теперь это просто старый спокойный зверь. Думаю, и сам хозяин этого замка такой же немолодой...

Стражи вытаращили на меня глаза. Я сказал ласково:

– Узнали, соколики?.. Отец Дитрих здесь?

Оба кивнули, один выпалил:

– Да, Ваше Величество!.. Конечно, Ваше Величество!.. Великий инквизитор изволил прибыть в помещение... там, внизу. Позвольте взять вашего коня?

– Да, – ответил я и, соскочив на землю, поднялся по ступенькам, а второй страж распахнул передо мной дверь, но первым вскочил вовнутрь, конечно, Бобик.

Для инквизиции, понятно, требуется помещение, а лучше всего – хорошо оборудованное для проведения следствия. Вся деятельность инквизиции овеяна жуткой славой. Однако инквизиторы, даже в отдельных и достаточно редких случаях прибегая к пыткам, которые называют не иначе, как зверскими, изуверскими и бесчеловечными, тем не менее практически никогда не калечат допрашиваемого. И когда тот выходит из этих так называемых застенков, он быстро восстанавливает здоровье и ведет обычную жизнь.

Самая стандартная пытка – растягивание на дыбе, что та же самая растяжка для застывших мышц, после нее не бывает дурных последствий. Точно так же от якобы ужасающих прижиганий каленым железом, это прежде всего страшно, так как угли раздувают перед самым допрашиваемым, затем

на этих углях накаляют щипцы, крючки, спицы, и только при виде этого зрелища и благодаря нашему богатому воображению можно отречься даже от Бога, не то что от заговорщиков.

Все места ожогов заживают, так же как и после бичевания плетью. Бьют по спине, где много мышц и прочего мяса, и все это выглядит страшно. Но я не средневековый инквизитор, я демократ и гуманист, потому своим ребятам из контрразведки велел не заниматься театральными представлениями, и зажимать в тисках не пальцы, а гениталии. Это и в сотни раз больнее, и ужаснее. После средневекового бичевания на спине останутся только едва заметные шрамики, а после того, как по рецепту из будущего несколько раз саданут сапогом по помидорам, – вообще потеряешь возможность делать детей и ложиться с женщинами.

Так что здесь больше театр, а я отцу Дитриху лучше не стану показывать настоящие комнаты для допроса, устроенные по высшим стандартам демократии и базовых либеральных ценностей, иначе придет в ужас от нашего просвещенного гуманизма и терпимости.

В холле навстречу бросился один из старших слуг.

– Простите... Ой, Ваше Величество! Такая честь, такая честь... Я сейчас позову хозяина...

Я остановил его жестом.

– Не стоит. Я гость, но очень спешащий гость.

– Но, Ваше Величество...

– Отец Дитрих сейчас здесь? – спросил я. – Не беспокойтесь, только навещу великого инквизитора и тут же отбуду. А хозяину передайте мое уважение и благодарность за оказанные отцу Дитриху услуги.

Он сказал послушно:

– Да-да, все как скажете, Ваше Величество!.. Позвольте, провожу?

Я огляделся, Бобика уже не видать, кивнул.

– Да, конечно.

На втором этаже в небольшой комнатке молодой слуга подхватился мне навстречу.

– Простите, вы... Ох, Ваше Величество, свет в глаза, я вас не узнал!

– Я есмь свет, – пробормотал я. – Еще какой...

Он посмотрел несколько странно. Я запоздало вспомнил, что так говорил Люцифер, имя которого значит «Светоносный», но лишь развел руками, мол, шутю, а он торопливо забежал вперед и распахнул дверь кабинета.

Отец Дитрих неторопливо пишет длинным белым пером на листе бумаги, время от времени осторожно обмакивая заостренный кончик в массивную чернильницу из темно-зеленого малахита.

Я быстро вошел, поклонился.

– Отец Дитрих...

Он поднял голову, всмотрелся, часто моргая покрасневшими веками.

– Сэр Ричард?

Я подошел быстро и, преклонив колено, поцеловал ему руку.

– Я и здесь вас отыскал, отец Дитрих.

Он коротко перекрестил мою склоненную голову.

– Рад тебя видеть, сын мой. Встань и сядь вон в то кресло, там светильник ярче, хочу рассмотреть тебя... Ты что-то опять похудел. Работы больше, чем ожидал?

– Намного, – признался я.

– Это всегда так, – утешил он. – То ли еще будет. Какие новости?

– Собираюсь ехать дальше, – сказал я. – Потому заскочил попрощаться. На дороге, как водится, ваше благословение и уверение, что действую верно, что хоть и дурак, но хороший дурак, наш дурак.

Он коротко усмехнулся.

– Ты не дурак.

– Ой, как хорошо...

– А что часто сомневаешься, – сказал он, – значит, растешь. Дураки всегда во всем уверены и ни в чем не сомневаются.

– Отец Дитрих, – сказал я с раскаянием, – душа моя полна сомнения и смятена весьма, однако же в ней упорно зреет зерно, однажды вброшенное Господом, ибо ничего без его воли не делается в этом мире.

Я размашисто перекрестился, что не обмануло отца Дит-

риха, его лицо стало серьезным и настороженным. Уже знает, что если демонстрирую такое христианское рвение, то явно подложу какую-то очень крупную, откормленную в долгих размышлениях свинью.

– Поделись своими сомнениями, – проговорил он кротко, тоже не очень-то голосом великого инквизитора. – И что в твоей душе там за такое зерно. Может быть, вовсе не Господь его заронил...

– Я читал Библию, – сообщил я. – Вернее, перечитывал. Мы ведь все ее только перечитываем, верно?

Его лицо не изменилось, а когда увидел, что я вроде бы жду ответа, произнес так же мирно:

– В Библии есть все. И даже, как зорко заметил еще Тертуллиан, слова, что доставляют столько головной боли Ватикану: «Надлежит быть ересям».

– Ереси, – сказал я, – это ветви могучего дерева. Но, конечно, если выживут, дереву только польза.

Он напомнил, не давая мне, как обычно, увильнуть от острой темы и уйти в красивые разглагольствования, так характерные для размагниченного интеллигента:

– Так в чем твои сомнения, сын мой?

Я вздохнул и сказал:

– Отец Дитрих, все наши законы написаны людьми и для людей. Однако мы видим, что даже животные, такие как наши собаки и кони, демонстрируют верность и преданность, столь ценимые в нашем обществе. Потому уже раздаются го-

лоса, что нельзя ради забавы мучить животных.

Он кивнул, но выражение лица оставалось таким же настороженным, когда сказал спокойно:

– В Библии есть прямой запрет.

– Как здорово, – ответил я. – А то помню, что у гуманизма вроде бы оттуда ноги растут. Из Библии, хотя и не хочется признаваться.

– Животных мучить нельзя, – сказал он. – Даже диких. Но тебя не это тревожит, верно?

– Верно, – признался я. – Я трус по натуре, всегда отпрыгиваю от острых тем. В общем, хочу сказать, что законы Божьи писались для людей, а не для эльфов или троллей... во всяком случае о них там ни слова, как нам кажется.

Он вскинул брови.

– Только кажется?

– Мудрость Создателя безгранична, – сказал я благочестиво, – он предвидел этот момент и эти вопросы! Разница только в том, что он нам продиктовал базовые ценности, а мелочами и надстройками поручил заниматься самим.

Он хмыкнул.

– В общем-то, это верно, хотя и не помню прямого указания в Библии на такие установки.

– В Библии все вкратце, – ответил я. – Где-то, хорошо помню, было сказано, как Творец сказал Адаму: вот я создал прекрасный сад, теперь поручаю его тебе, смотри же не засри его, не разрушь, а расширь на всю землю!

Он усмехнулся, лицо чуть подобрело, я виновато подумал, что сейчас он думает, будто я уже все сказал, а я только просунул под дверь предварительную лемку, что не закрылась.

– В целом, – сказал он с одобрением в голосе и в глазах, – ты толкуешь Библию верно.

– Я вот вспоминаю, – продолжал я благочестиво и широко перекрестился, что снова его насторожило, – все десять заповедей, что получило человечество из рук Моисея... Честно говоря, я на месте Творца дал бы запретов больше. Человек – свинья, ему нужны ежовые рукавицы. Для себядержания, если есть такое слово. А если нет, то пусть будет.

Он сказал мягко:

– Нельзя брать тяжелую ношу в долгий путь. Такие нерасчетливые быстро выдыхаются и, горько сказать, сбрасывают ношу на землю.

– А то и возвращаются, – добавил я.

Он кивнул.

– Вот-вот. Так часто бывает с теми, кто по неопытности берет на себя повышенные обязательства.

– Видел, – признался я. – И таких людей, и даже целые монастыри, где сгоряча и от излишнего усердия приняли строгие уставы, а потом не выдержали и разбежались.

– Вот видишь...

– Но сейчас, – сказал я, – говорю о самых базовых:

1. Не имей других богов.
2. Не служи другим богам.

3. Не изображай бога.
4. Соблюдай субботу.
5. Уважай родителей.
6. Не убий.
7. Не укради.
8. Не желай дома ближнего.
9. Не желай жены ближнего.
10. Не лжесвидетельствуй.

Он выслушал, кивнул:

– Ты ничего не пропустил, сын мой. Какая заповедь тебя больше всего тревожит? Восьмая или, как всех мужчин, девятая?

Я помотал головой, пропуская мимо ушей ощутимую насмешку в его участливом голосе.

– Я в тягостных думах и размышлениях о судьбах нашей родины пришел к выводу, что все эти заповеди применимы как к людям, так и к эльфам или троллям. В той же степени!..

Он снова вскинул брови, взгляд стал строже.

– Странные выводы.

– Господь ничего не делает для себя, – напомнил я, – только для человека, как сказано в Святой Книге. Но и человеку оставил немало работы как для рук, так и для его души. Он дал нам законы, так сказать, на вырост. В смысле, они позволяют нам интерпретировать их согласно запросам нашего усложняющегося и умнеющего мира.

Он задумался, строгий и серьезный, видит, что говорю

очень обдуманно, и вроде бы не дурак, хоть и свой.

– Похоже, сын мой, тебе это пришло в голову не прямо сейчас.

– Отец Дитрих, – вскрикнул я обиженно, – я в самом деле размышлял долго и тягостно!

– Долго, – уточнил он, – это сколько? Минуту? Или целых две?..

– Отец Дитрих!

Он покачал головой.

– Что подтолкнуло тебя на такую мысль?

– Наверное, – сказал я и перекрестился, – сам Господь.

– Не богохульствуй, – сказал он строго. – Господь следит за всеми, но лишь гордыня заставляет думать, что следит и за тобой. Скажи, только ли твое милосердие и человеколюбие, что в таком юном возрасте обычно находится в зародыше, подтолкнуло?.. У многих милосердие вообще не прорастет и до глубокой старости.

Я виновато развел руками.

– Каюсь, отец Дитрих. Вообще-то такие благие побуждения возникали и раньше... ну, когда гномы сковали мне доспехи и меч, или когда эльфы мою драгоценную шкуру спасли. Потом как-то забывалось за суетой суетной жизни и, как бы сказать помягче, личными интересами. Мы хоть и христиане, но все же язычники. Все-таки сперва я, а родина потом. Ну, а всеобщее благо так и вообще где-то за горизонтом.

– Ну-ну, а теперь?

Я тяжело вздохнул, посмотрел ему прямо в глаза.

– Да вот что-то заставляет и про общее благо. Не за бесплатно, правда.

– А-а-а, ну-ну, дальше. Теперь понятнее.

– Гномов, – сказал я деловито, – нужно привлечь в борьбе с Маркусом. Многие из них погибнут, сражаясь с нами плечом к плечу. Если потерпим поражение, то погибнем все, но если победим... справедливо ли только нам рвать яблоки успеха?

Он покачал головой.

– Очень сложный вопрос. Гномы сами по себе народ трудолюбивый, что угодно Господу, но они все язычники...

– Мои Бобик и Зайчик, – возразил я, – тоже ничего не знают о Христе и церкви!.. Но я их люблю и защищаю. Любовь и привязанность не зависят от веры, разве не так?.. Думаю, постепенно и они могут прийти к пониманию Христа. Я имею в виду гномов и эльфов, а не Бобика и Зайчика. А пока что, как я предполагаю, достаточно и того, что они исполняют некоторые заповеди, которые дал людям Творец. Я опять же имею в виду...

Он отмахнулся в некотором раздражении.

– Понял-понял. Ты так часто общается с людьми глупыми?

– А куда деться, – спросил я безнадежным голосом, – если только я один в белом?

– Ну да, – буркнул он, – военные... Так какие заповеди

гномы соблюдают?

– К примеру, – сказал я, – уважай родителей, не убий, не укради, не желай дома ближнего... Наверняка у них запрещено и лжесвидетельство.

Он подумал, кивнул.

– Да, это уже основа для серьезного разговора.

– Думаю, – сказал я, – у них работает и насчет не желать жены ближнего, иначе любое племя распадется.

Он подумал, вздохнул.

– Сын мой, ты поднял очень сложные и нелегкие для понимания и даже для обсуждения вопросы. Скажу сразу, большинство иерархов церкви будут против. Однако скажу тебе одну крамольную вещь, которую нельзя говорить мирянам: реформа церкви не прекращается никогда! Ни-ког-да. И только благодаря реформам и через реформы она остается тем пылающим факелом, что ведет народы через тьму невежества... Прекратятся реформы – погаснет и факел церкви. Но сейчас давай оставим этот вопрос до времен... сам понимаешь каких.

Я сказал с благодарностью:

– Святой отец, не знаю, как и благодарить за такую поддержку!

– Я не поддержал, – отрезал он.

– Но и не отвергли с ходу, – уточнил я. – А это для меня вы не представляете, насколько ценно.

Он протянул руку, я поцеловал и весь исполненный по-

чтения вышел. Не знаю, каким будет мир после Маркуса, но если победим, то увидим мультикультурный, где на улицах городов можно будет встретить эльфов и гномов.

Даже тролли будут, хотя те наверняка предпочтут жить в лесах, а в города наведываться только для торговли.

В большом зале неспешно прохаживается степенный лорд, в котором я сразу узнал хозяина: высокий, породный, в прошлом явно бывалый боец, сужу по шрамам на лице.

Едва я показался на лестнице, он заторопился навстречу.

– Ваше Величество!

– Лорд де Флер? – спросил я. – Дорогой сэср Робер, я благодарен вам, что достойно встретили отца Дитриха и предложили ему все условия для работы.

Он воскликнул:

– Он почтил меня своим присутствием, как же иначе?

– Спасибо и от меня, – сказал я. – Будете в Геннегау – заходите.

Он посмотрел настороженно, но и с надеждой.

– А вы будете?

– Уже скоро, – пообещал я.

Бобик то и дело уносится в стороны, не забывая ревниво держаться впереди копытного, а я укрылся под роскошной гривой и с тоской вспоминал свою идею, теперь уже вижу, что малость преждевременную, насчет Великой Хартии Вольностей.

Больше всего я постарался внедрить ее в Мезине, которую

только что нагнул, подавив мятеж против законного правительства, потому проводить реформы легче, но потом пришлось забрать практически всех своих лордов и войска, оставив только Шварцкопфа с довольно большой армией, а когда пришла весть о новой напасти под именем «Мунтвиг», поспешно велел и Шварцкопфу со всем войском спешно идти на границу Скарляндии и Варт Генца на соединение с Меганвэйлом.

Таким образом Мезина осталась без моих войск, а никакая Великая Хартия Вольностей не выживет без поддержки копий и мечей моей армии, когда против все лорды королевства, как и сама королева.

Еще хуже в Сен-Мари, где я заговорил о Хартии уже после снятия военного положения. Все лорды уже опомнились и высказались против. Конечно, я сумел бы их переломить, если бы не пришлось уводить войска из-за этого проклятого Мунтвига. Вот так война подстегивает технический прогресс, но тормозит социальный.

Бобик гавкнул издали, я повернул голову, там вдали небольшой аккуратный домик, большой огород, пара сараев, видны коровы, целое стадо...

– Ну что тебе? – спросил я. – Ладно, заглянем. Вдруг в самом деле твои знакомые.

Немолодой уже мужчина, но крепкий и добротный, умело и с удовольствием раскалывает толстые чурки на аккуратные поленья и складывает в штабель уже внушительной полен-

ницы.

Рубашка на загривке взмокла, как и под мышками, на лице блестят бисеринки пота. Он всмотрелся в нас, воткнул топор в колоду и поклонился с понятной настороженностью в лице.

Бобик подошел и обнюхал, крестьянин побледнел и встал на цыпочки.

– Бог в помощь, – сказал я благожелательно. – Здесь дров на всю зиму хватит! Хорошо работаешь. Люблю рачительных хозяев.

Он сдержанно улыбнулся.

– Спасибо, мой лорд.

– Большая семья?

– Нет, мой лорд. Только мы с женой и двое детей.

– Тем более похвально, – сказал я. – Напоишь коня?

Он поспешно кивнул.

– Да, мой лорд. А вы идите в дом, у нас как раз обед поспевает.

– Спасибо, – сказал я.

Я поднялся на крыльцо, чем-то пахнуло знакомым, слегка настораживающим, я подобрался и толкнул дверь, готовый и к неожиданностям.

Женщина обернулась от плиты, где жарится, парится, шкварчит и потрескивает, распространяя запахи поджариваемой ветчины, лицо ее испуганно дернулось.

– Ой, я не слыхала, как вы вошли...

Я выдернул меч и направил острое в ее горло.

– Это хорошо.

Она всмотрелась в мое лицо.

– Это вы... тот самый... как вы меня нашли?

– Я не искал, – ответил я. – Случайно. Нет, вру, моя милая собачка тебя учуяла.

Она, бледная и вздрагивающая, опустилась на колени и, глядя снизу вверх в мое злое лицо, сказала умоляюще:

– Знаю, вы меня убьете... Но только не при муже!

– Это муж? – спросил я.

– Да, – ответила она. – Убейте, только ничего ему не говорите.

– Почему? – спросил я.

Она прошептала:

– Он ничего не знает!.. Мы с ним с того дня, как ты... как мы...

– Разве я не убил тебя? – спросил я.

– Я живучая, – ответила она тихо. – Долго умирала под камнями, но затем услышала, как кто-то начал их разбирать. Я потеряла сознание, а очнулась уже на телеге. Мужчина бережно закутал меня в свою одежду, а сам мерз в ночи. Потом кормил меня с ложечки и давал воду по одному глотку. Я была очень слаба... меня трудно убить, но и возвращаются ко мне силы очень медленно. Он привез меня в свой дом, перенес на кровать и несколько недель ухаживал, пока не смогла встать, но и потом ухаживал и оберегал. Сперва я собира-

лась его съесть, как только у меня хватит сил, а потом...

Я слушал настороженно, острие меча все еще у нее под горлом.

– Говори, – потребовал я. – На этот раз тебе так легко не отделаться. Я разрублю тебя на куски, сожгу, а пепел развею!

– Только ему не говорите, – попросила она умоляюще. – Пусть никогда не узнает, что жил с чудовищем.

– Чей ребенок? – спросил я. – Я слышу детский голос с заднего двора.

– Старший, – прошептала она, – его от прошлой жены, она умерла после родов... А в колыбели – наш.

Я переспросил:

– Что? Ты родила от этого мужика?

– Да, – ответила она, глаза ее заблестели, я насторожился, но блеск был влажным, я с изумлением увидел слезы. – Это необыкновенно – быть матерью!

– Он монстр? – спросил я.

С острием моего меча у горла она не решилась покачать головой, только наметила это едва заметным движением.

– Нет. Просто ребенок.

Я прорычал:

– Наверняка монстр! Матери всегда врут, защищая.

– Он не чудовище...

– Так потом им станет, – сказал я неумолимо.

Из ее глаз выкатились две крупные прозрачные слезинки.

– Умоляю, не убивай его! Как угодно убей меня, я пальцем

не шелохну.

Я медленно убрал меч.

– Ладно. Я должен быть не только справедливым, но и милостивым, как почему-то велел наш Создатель. Уж не знаю, что за блажь на него нашла... Я не стану тебя убивать, как и твоих детей. Но не ради тебя, я милостив не настолько... а ради того, кто поит там коня. Он слишком уж счастлив с тобой! А я не могу вот просто так взять и сделать хорошего человека несчастным.

Она смотрела расширенными глазами, как я бросил меч в ножны. Я не стал подавать ей руку, она поднялась медленно и осторожно, все еще опасаясь внезапного и смертельного удара.

– Ты... ты даруешь нам жизнь?

– Дарую, – отрезал я. – Надо бы прибить... так, на всякий случай, но рискну. Но если узнаю, что ты взялась за старое...

Она вскрикнула:

– Ни за что!.. Я познала куда более высокие радости, что просто убивать. Убивать и зверь может. Я была просто сильнее других зверей. А счастлива я только теперь!

Я кивнул и вышел. Бобик весело гоняет кур, те с громким возмущенным кудахтаньем взлетают, рассаживаясь на плетне, мужик уже напоил арбогастра и с восторгом расчесывает ему гриву.

Услышав мои шаги, обернулся и сказал с восхищением:

– Никогда такого красавца не видел!.. Мой лорд, вы не

останетесь пообедать?

– Очень спешу, – объяснил я. – У меня очень строгий господин.

Я вскочил в седло, мужик крикнул:

– А кто у вас господин?

– Господь, – ответил я. – Только Господь.

Глава 6

Вблизи Большого Хребта воздух заметно посвежел, хотя, на мой взгляд, каменная стена должна бы накаляться под жаркими лучами и прогревать воздух вокруг себя, но тут все не так, а разбираться некогда, вон появилась темная точка в основании Хребта и начинает стремительно расширяться одновременно с надвигающейся на меня каменной громадиной.

Бобик промчался вперед, справа и слева от Тоннеля массивные башни из толстых глыб, камня везде вдоволь, рыцари в стальных доспехах по обе стороны даже не смотрят в сторону осточертевшей дороги, где нескончаемым потоком тянутся нагруженные подводы, телеги, могучие волю тащат огромные фуры, идут торговцы, ведя в поводу навьюченных коней...

Странно, если бы Бобик не ринулся к рыцарям. Я с изумлением увидел, что там никакого переполоха, один сразу же подобрал с земли толстую палку и, сделав вид, что бросает в одну сторону, на миг спрятал за спину, а затем с силой швырнул в другую.

Хитрый Бобик все сообразил, не ринулся по новому следу, а развернулся и помчался в нужную сторону, подхватил у самой земли падающее бревнышко и тут же оказался перед его новым другом.

При моем появлении из башни вышли сразу четверо крупных и в прекрасных доспехах рыцарей. Все почти с меня ростом, на белых плащах красные кресты, опоясаны мечами, на поясах мизерикордии, ибо милосердие – закон для рыцаря Ордена Марешаля.

– Приветствую, братья, – сказал я. – Меня зовут брат Ричард.

Один сказал учтиво:

– Мы знаем тебя, брат.

Второй добавил:

– И знаем, как ты много сделал для того, чтобы Орден Марешаля снова вышел на свет божий.

– Во всех наших храмах, – сказал третий, – отслужили в первый же день по благодарственной мессе в твою честь.

– Во славу Господа, – сказал я с неловкостью. – Я только выполнял его волю.

– Во славу Господа, – ответили они вразнобой, но одинаково благочестиво перекрестили кто грудь, кто лоб. – С победным возвращением, брат.

– Уже знаете? – спросил я с недоверием.

– Слухами земля полнится, – ответил первый уклончиво.

– Мы всего лишь, – добавил второй, – лучше других умеем слушать.

– Хорошее умение, – признал я. – Мне бы такое.

Они сдержанно улыбнулись, первый сказал учтиво:

– Оно твое, брат, ибо мы все рыцаря одного Ордена.

– Я счастлив, – сказал я, – что Тоннель в руках маршалов. И хотя я сохраняю возможность обрушить его в случае крайней опасности, но куда лучше охрана, что не пропустит к нам вражеские полчища, зато обеспечивает, как вижу, бесперебойный поток люда в обе стороны, что так важно для прогресса.

Старший сказал медленно:

– Мне приказано охранять Тоннель. Меня зовут брат Отто, я – граф Шварцбург-Рудольштадт из рода Кенисбергов. Однако, брат...

Голос его показался мне малость смущенным, я спросил настороженно:

– Что-то стряслось?

Он покачал головой и взглянул мне прямо в глаза.

– Нет, брат, ничего. Просто сообщаю решение Совета Магистров, что служит миру и порядку. Ввиду стратегической важности Тоннеля разрешено перевозить через него любые грузы, кроме оружия. А также приветствуется передвижение всех людей, без различия, к какому роду племени и королевству они принадлежат. Это служит божьему плану перемешивания всех людей в один народ, ибо он и был единым во времена Адама и Евы.

– А также, – добавил второй, – невзирая на их сословия и не делая между ними различий!

– Здорово, – сказал я искренне. – Как жаль, что законы Ордена не рулят всем миром и всеми королевствами.

Брат Отто кивнул, лицо становилось все смущеннее, наконец он вздохнул, посмотрел на меня чисто и честно.

– Брат Клаур говорит верно. Разрешено всем, кроме... войск.

Я уставился на него в изумлении, даже арбогастр насторожил уши и пытался обнюхать рыцаря Ордена, но тот отпрянул.

– Это, – проговорил я, – что, распоряжение Совета Ордена?

– Совета Магистров, – уточнил брат Клаур. – Сожалею, брат Ричард.

Я сказал в недоумении:

– Но как тогда я введу армию в Сен-Мари?

Он вздохнул и снова посмотрел на меня чистыми честными глазами человека, абсолютно уверенного в справедливости своей позиции.

– Боюсь, брат, это невозможно. Войска не пропустим ни в одну сторону, ни в другую. Только мирные грузы, только мирные люди. Все войны – зло. Войнами не выстроить Великое Арндское королевство.

Я помолчал, подбирая слова, но ничего не идет в голову, напротив, вылетело и то, что было.

– Войны зло, – пробормотал я в затруднении, – но что делать, если другая сторона не хочет жить мирно?... А принудить молитвой... вы уверены, что это возможно?

– Все возможно, – ответил он учтиво, но твердо. – Мир

стал лучше, а нравы мягче с той поры, как пришел Иисус и отменил все человеческие жертвы!

– Хорошо бы ускорить эти изменения, – сказал я. – Все-таки Иисус когда был... А справедливыми освободительными войнами можно решить быстрее.

– Гражданская война, – сказал он, – для победителей и побежденных одинаково губельна. И вообще, самое большое зло – победа в гражданской войне.

– Это не гражданская, – напомнил я. – Армия идет с севера.

– Все войны, – заметил он, – гражданские, если они между людьми.

– Что делать, – сказал я, – если хотим пользоваться миром, приходится сражаться.

– Дело воина, – заметил он, – стремиться в бой, дело командира – не торопиться. Ты в самом деле командир, брат? Я перекрестился и сказал благочестиво:

– Блаженный Августин изрек: «Заповедь «Не убий» отнюдь не преступают те, которые ведут войны по полномочию от Бога».

– Покажите эти полномочия, – сказал он. – Брат, могу сказать, что очень редко войну ведут по заранее определенному плану. Чаще война сама выбирает пути и средства... а те чаще всего нам очень не нравятся, но что-то исправить уже поздно.

– И все же мир создается войной, – сказал я, – а во время

войны законы молчат.

– Но не устав, – ответил он с достоинством. – Устав создавался веками. Тебе кажется чересчур миролюбивым?

– Все войны начинаются из-за избытка миролюбия, – ответил я уклончиво, – а добро все-таки лучше побеждает на расстоянии выстрела из лука. Еще лучше – из арбалета. Брат Отто, вы мудрый и ученый человек, я искренне сожалею, что такой человек вынужден носить меч, а не преподавать в университете. Я предпочел бы встретить на посту охраняющего Тоннель человека попроще.

Он скупно улыбнулся.

– И надеялись бы его переубедить? Увы, устав для всех устав. Ученый и неученый повинуются ему одинаково. Сожалею, брат, но мы не пропустим войска. А Тоннель так выстроен, что защищать его нетрудно даже от самой обученной армии. Да, мы слышали, вы можете его обрушить... Но тогда уже никто не пройдет. Даже мирные люди.

Я вздохнул, развел руками.

– Ладно, но одного меня пропустите?

Он кивнул, на лице ясно проступило облегчение.

– Разумеется, брат. Один человек – не армия.

– Хорошо, – сказал я. – Только вернусь к приближающейся армии и сообщу, чтоб вернулись в свои лагеря.

Он поклонился, я развернул арбогастра и пустил его в обратную сторону.

Бобик по дороге задавил такого здоровенного кабяняру, что захекался тащить и чуть ли не впервые позорно отстал от арбогастра. А тот увидел большой отряд со знакомым всадником во главе, добавил скорости.

Норберт остановил коня, но не успел я покинуть седло, как прибежал Бобик и сунул ему кабана. Норберт даже не пытался взять этого монстра, а только сделал вид, что принимает, и кабан бухнулся на землю, вызвав небольшое сотрясение почвы.

– Молодец, – сказал Норберт, – умница! Хорошая собачка, хорошая...

Обрадованный Бобик встал обеими лапами на спину дрожащего в ужасе коня, лизнул всадника в щеку и, отойдя на пару шагов, грохнулся на землю, тяжело дыша и высунув язык.

Норберт посмотрел на меня с недоумением, я высвободил одну ногу из стремени, но так и остановился в задумчивости.

– Ваше Величество, – проговорил Норберт, – вы как-то вроде бы не с той стороны... Потеряли дорогу? Голова закружилась?

Я ответил с показной беспечностью:

– Уже побывал, все увидел, ничего интересного.

– И как там в Геннегау? – любопытствовал он. – Нас еще помнят? Вы кого-нибудь уже успели... обидеть?

Я покачал головой.

– Имеете в виду, конечно, женщин? Увы, до Геннегау не

добрался, Тоннель закрыт. Спешу предупредить вас с Альбрехтом, что диспозиция меняется.

Он охнул.

– Как... закрыт?

– Тоннель охраняют рыцари Ордена Марешаля, – пояснил я. – А им устав, видите ли, запрещает пропускать воинские части хоть в одну сторону, хоть в другую.

Он проговорил с нажимом:

– Они смеют не пропускать даже вас?

– Прекраснодушные дураки! – сказал я. – Подчиняются только Господу, так у них в уставе. Да еще великому магистру.

Он пробормотал:

– Не подчиниться Ричарду... это почти святотатство. Или это я вас уже обожествляю, как дикие язычники своих царей?

– Я не хочу с марешальцами ссориться, – объяснил я, – хотя в будущем хорошо бы их устав подкорректировать в сторону большей реальности.

– Это какой?

– Правильной, – пояснил я. – Как вижу ее я.

Он спросил с тревогой:

– Но что теперь?

– Армию не пропустят, – пояснил я, – но если спрячете оружие и доспехи под плащами, кто помешает вам с графом Альбрехтом проехать среди прочих торговцев, купцов и ка-

раванщиков?

Он поморщился.

– Тогда не помешает мне взять с собой побольше верных людей... тоже под видом караванщиков. Это не поможет, даже если вот так переведу на ту сторону сотню-другую. Армию не спрячешь. Ваше Величество, вы что, только предупредить?

– А что делать? – огрызнулся я. – Все ускорилося, барон. Многое нужно успеть, времени в обрез, а быстрее меня никто не носится. Вообще-то мне самому начинает казаться, что с армией я поторопился. Это слишком лобовое решение или я теряю хватку?

Он ответил сдержанно:

– Очень надеюсь, что не так.

– В общем, – сказал я, – жду вас с Альбрехтом в ставке рейнграфа. Он, как понимаю, по-прежнему охраняет побережье на случай повторной высадки пиратов.

– А где именно его ставка?

Я пожал плечами.

– Кто знает? Скорее всего, на главном направлении.

– А какое главное?

– Откуда пираты могли бы, высадившись, сразу пойти на Геннегау. По прямой.

– Понятно, – сказал Норберт. Глаза его бодро заблестели. – Все сделаем, Ваше Величество, как вы и сказали. Должен сказать, вы хватку не теряете, это точно. Я сумею и сам

пройти, и с собой провести хотя бы сотню лучших из лучших.

– Не рискуйте, – сказал я строго. – Нам не нужно задираться еще и с Орденом. Это наши надежные союзники.

Он поинтересовался на всякий случай:

– А вы не с нами?

– Увы, – ответил я. – Хотя хотелось бы.

– Ваше Величество?

– Съезжу в Сен-Мари, – объяснил я, – и попытаюсь узнать, что там в Гандерсгейме.

Он сказал быстро:

– В основном там вестготские лорды, которых вы оставили с воинскими подразделениями в десять тысяч человек.

– Вы и это знаете? – сказал я с удовлетворением. – Хорошо, я могу их вывести оттуда и внезапным ударом захватить Геннегау.

– Геннегау без ворот, – напомнил он. – Захватить его легко, защищать трудно.

– Армии стальграфа и рейнграфа, – сказал я, – всегда наготове. Как только Вирланд снимет войска, что перекрывают им все выходы, и пошлет на освобождение Геннегау, они ударят ему в спину.

Он подумал, покрутил головой.

– Надеетесь управиться теми силами, что в Сен-Мари? Хорошо бы, но больно рискованно.

– У кого совсем нет козырей, – сказал я бодро, – тот бле-

фует. Мне это иногда удавалось.

Он посмотрел на меня и покачал головой.

– Вам это удавалось всегда. Но не спугните счастье. Блеф – это крайняя мера. И когда-то удача вам изменит.

Я вскинул было руку в прощании, затем в радостном озарении хлопнул себя по лбу.

– Барон! Возьмите с собой через Тоннель знамена разных частей нашей Познавшей Радость Побед. Провезите тайно среди тюков товара, а на той стороне установите где-нибудь на опушке леса, но так, чтобы местные видели. Дескать, огромная армия грозного Ричарда, что явился для беспощадного возмездия, уже идет через Тоннель и накапливается в лесах для свирепого и кровопролитного удара.

Он посмотрел в удивлении, но тут же лицо посветлело, а глаза радостно заблестели.

– Сэр Ричард, это... великолепно!..

– Знаю, – согласился я со скромностью, – я весь такой. Может быть, даже назовусь Ричардом Великолепным! У меня такой выбор кличек, такой выбор...

– Местные, – сказал он, – сразу разнесут, что половина нашей армии уже прошла на эту сторону! Вы же знаете, как слухи растут, обрастают. Скоро все королевство будет знать, что наша армия накапливает силы, поджидает обозы, после чего двинется на Геннегау и все предаст огню и мечу.

– И все предаст огню и мечу, – повторил я. – Верно, будем всячески поддерживать этот слух.

Он сказал бодро:

– Чем больше паника, тем выше наши шансы.

– Только никого из чужаков не подпускайте близко!

– Как можно, – ответил он. – Никто ничего не заподозрит,

Ваше Величество!.

– Барон, я на вас рассчитываю.

Он заверил:

– Мои люди будут и потом подходить мелкими группами, маскируясь под торговые караваны. Так что видимость будем не только поддерживать, но и расширять.

– Где сейчас Альбрехт?

– Идет с тяжелой конницей, – сообщил он. – Вообще-то не так уж и далеко от нас отстал, но их кони устанут быстрее. Сейчас, наверное, уже собираются на привал...

Я подумал, махнул рукой.

– Ладно, полчаса – не время. Дам еще и ему ценные указания.

Он покачал головой.

– Вы король, Ваше Величество. Ваше ли дело вот так носиться?

– Переходной период, – объяснил я с досадой. – Ничего, все наладим, сяду на трон, напьюсь, передо мной баядерки всякие плясать будут... Эх!

Бобик подхватился, ринулся с такой скоростью, что вскоре исчез, оставив быстро тающее облачко пыли на дороге. Я вскинул руку в прощании, и арбогастр пошел ускорять.

ющимися галопом, стараясь догнать обнаглевшую собаку с неспортивными замашками.

Сердце забилося радостнее, вдали возникла и начала стремительно приближаться праздничная колонна красиво и пышно одетых в разные чистые цвета рыцарей, а во главе, самый франтоватый из них, граф Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля.

Даже конь под ним от султанчика из перьев между ушами и до копыт разукрашен, словно собрался на праздник. Остальные разодеты не менее ярко, но граф еще и ухитряется держаться франтом, который даже в самом жестоком бою умеет не запачкаться, разве что получит пару засечек на панцире.

Бобик уже прыгает вокруг него, распугивая остальных коней, выказывает дружбу, арбогастр перешел на простой галоп – рысь и наконец остановился.

Я вскинул руку, рыцари по жесту Альбрехта придержали коней, а сам он на рысях примчался ко мне.

– Ваше Величество?

– Обстоятельства меняются, – сказал я. – Рыцари Ордена не пропускают через Тоннель, но задираться с ними не будем. Вы проберитесь на ту сторону, прикинувшись торговцем, у вас и вид такой... да и вообще что-то в вашем благородном облике есть эдакое хитроватое, будто вы жулик из жуликов. Если сумеете, замаскируйте несколько своих луч-

ших героев, их тоже на ту сторону. А все армию храмовники не пропускают.

Он слушал внимательно и встревоженно.

– А вы, Ваше Величество?

Я скривился.

– Тоже пройду на ту сторону, иначе мы все делаем зря. Наше дело правое. Даже не просто правое, а как бы совсем абсолютно правое! В Сен-Мари мятеж против законно избранного короля, это нелегитимно и очень опасно. Нельзя позволять всяким там свергать королей. Результаты выборов должны быть обязательными для всех, а кто против демократии – того на виселицу!

Он поморщился.

– Ваше Величество...

– Не вашевеличествуйте, граф, – оборвал я. – Я па-анимаю, с какой вы это интонацией! Думаете, о своей шкуре забочусь?.. Конечно, о своей. А заодно и о мировом порядке, примате законности и соблюдении демократичных основ и прав. Разве на всеобщих, равных и демократически прозрачных выборах в Сен-Мари слово и право голоса не были в соответствии с демократическими принципами предоставлены каждому человеку, начиная от герцогов и вплоть до баронов?

– Было, – согласился он, – но сейчас стоит ли возвращаться к той системе?

– Для начала, – ответил я мрачно. – Для начала, граф. На той стороне Хребта я поспешу в Гандерсгейм. Там наши вой-

ска. Пусть их немного, но все же... И, главное, подумываю отыскать адмирала Ордоньеса, он не мог уплыть далеко, а у него на корабле король Кейдан.

Он расширил глаза.

– А Кейдан... зачем?

– Надо использовать, – объяснил я. – Победу можно получить в долгой и кровавой резне, а можно и пройти фуксом. Если объявить в Сен-Мари, что мы явились возвращать трон законно избранному правителю, которого, все знают, ненавижу, моя репутация упадет или подпрыгнет?

Он поморщился.

– Понятно, подпрыгнет, но стоит ли восстанавливать на троне осточертевшего Кейдана?

– А репутация? – повторил я.

Он буркнул:

– Не представляю, зачем это в долгой перспективе.

– А зря, – сказал я наставительно, – вы знаете, как часто идиоты твердят фразу: «Я ненавижу ваши убеждения, но готов отдать жизнь, чтобы вы могли их высказывать свободно». Даже не представляете, сколько на свете тупоголовых!

Он посмотрел с великим удивлением:

– Чё, правда?

– А вы сами с дураками не сталкиваетесь на каждом шагу?

– Нет, – сказал он, – я о фразе. Что, в самом деле есть такие, что готовы отдать жизнь...

Я отмахнулся.

– Нет, конечно! Зато звучит как красиво. И чем человек глупее, тем чаще повторяет. И напыщенное. А так как дураками мир заполнен, то надо делать вид, что и сам такой, живешь их заботами, радостями, чаяниями, любишь пиво и ходишь на футбол... в смысле, на турнирные бои... К тому же дураками управлять легко, нужно только почаще говорить им, что они свободные и демократичные, живут своим умом... ха-ха, у муравья ум помасштабнее!.. А мы, короли, лишь выполняем их желания. И можно запрягать этих осто-лопов, как хотим.

Он вздохнул.

– Да понимаю, что когда вроде добровольно, то работают лучше, чем когда из-под палки. Но все-таки вторгаться в Сен-Мари под лозунгом восстановления на троне...

– ...демократии и общечеловеческих принципов, – подсказал я. – В лице его величества короля Кейдана!

Он сказал безнадежным голосом:

– Это Кейдан демократ и этот, как его...

Я отмахнулся.

– Граф, а наша пропаганда на что? Народ поверит во что угодно, он дурак, если все подадим правильно.

Он покачал головой, сказал совсем тускло:

– А Кейдану хоть скажем?

– Что идем восстанавливать его на престоле? – спросил я. – А нужно ли?.. Пусть себе остается там, где и прячется.

– Ну да, – пробормотал он, – что заслужил, то и получил.

Хотя, понимаю, под такое знамя на вашу сторону сразу встанут все сторонники Кейдана.

– Это же хорошо!

– А как с ними?

– После победы? – спросил я деловито. – Полагаю, большая часть погибнет в процессе восстановления демократических основ и восстановления легитимности. Остальных объявим врагами народа или шпионами, это по выбору, и вышлем...

– Куда?

Я подумал, сказал с неуверенностью:

– Например, на острова... Австралию уже открыли?

– Какую еще Австралию?

– Понятно, – сказал я, – ничего, у нас такой флот, все откроем, потом хрен закроешь. Главное, агентов влияния выявить вовремя и обезвредить. Мелких тихо и бесшумно в темных подворотнях, крупных – со скандалом и разоблачениями. Мы строим демократичное и правовое государство, у нас все будет прозрачно и как бы доступно!..

Он пробормотал:

– Это если Кейдан еще жив...

Я подумал, кивнул.

– Да, конечно. Некоторые мои противники исчезают как-то тихо, даже и не поймешь, погибли где-то или затаились, тот же Хоффман исчез без следа... Но Кейдан, думаю, так просто не исчезнет.

– Слишком крупная фигура?

– Не слишком, но короли так просто не исчезают. Потому лучше мы его используем в своих интересах, чем кто-то против нас. В общем, граф, вы поняли все, по хитрым и блудливым глазкам вижу. Потому... встретимся на той стороне Хребта. Вас там будут ждать люди Норберта.

Глава 7

«Что-то уже перебор, – мелькнуло у меня, – ношусь, как мартовский заяц, а гонцы на что. Но, с другой стороны, я вот так выигрываю даже не часы, а ценные дни и недели».

Брата Отто, который граф Шварцбург-Рудольштадт из рода Кенисбергов, не видно, но среди рыцарей я заметил брата Клаура, этот по неспешности движений, исполненного достоинству облику и внимательному взгляду тянет на герцога, но герцогов, насколько знаю, в Ордене пока только трое: Готфрид, Ульрих и некий герцог Зальм-Райнграфенштайн, но тот возрождает отделения Ордена в северных королевствах.

Я издали поприветствовал рыцарей взмахом руки, Бобик ринулся выискивать тех, кто будет бросать ему до позднего вечера бревнышко, а я поймал взглядом лицо брата Клаура.

– Не слишком рутинная работа?

– Всякая работа в радость, – ответил он с достоинством, – если идет на пользу людям и человекам.

– И все-таки жаль, – сказал я, – что не можете пропустить меня с армией. Это излишнее рвение.

Он сказал почтительно:

– Брат Ричард, мы все знаем, как много вы сделали для нашего Ордена. Знаем и то, что благодаря вам удалось вывести его на свет божий.

Я перекрестился.

– Все в руке Господа.

Он кивнул.

– Да, конечно. Однако устав есть устав. Даже Господь Бог не смог бы изменить, если бы захотел даже. Да мы бы ему и не позволили...

– Если бы Господь жил на земле, – пробормотал я, – Ему бы не поздоровилось.

– Брат Ричард?

Подошел еще рыцарь, крупный, в дорогих доспехах, кивнул мне, приветствуя, и сказал примирительно:

– Брат Ричард, меня зовут брат Ральф, я барон Эттинг Гогенцоллерн-Зигмаринген. Спешу уточнить, вам никто не мешает ездить через Тоннель, хотя вы и при оружии. Только держитесь правой стороны. Этот самобеглый паровоз так быстро не остановишь, а под левой стеной набросано всякого хлама, никак не уберем.

Брат Клаур поколебался, но зыркнул на сэра Эттинга и сказал нехотя:

– Да, один человек – не армия, хотя мы вообще-то знаем, что если речь о вас, то... вы стоите целой армии. Вы, как и упомянул брат Ральф, свободны ездить через Тоннель в любую сторону и провозить с собой личное оружие, но, уж простите, ваше войско мы пропустить не имеем права.

Я кивнул.

– Спасибо за точное следование правилам.

Они с недоумением смотрели вслед, а я подумал, что ес-

ли следовать не букве закона, а духу, то обязаны были не пустить, сами же сказали, что я — армия, но сделали вид, что строго следуют правилу, и потому мы сейчас втроем мчимся по Тоннелю, справа и слева рельсы, если появится паровоз, успеем отскочить к правой стене, там струится живой поток торговцев, ремесленников, охотников за поживой...

Впереди блеснул, засиял и распахнулся яркий свет. Мы выметнулись в солнечный мир, справа и слева от дороги массивные башни с узкими бойницами в виде крестов для стрельбы из луков и арбалетов, ибо для луков достаточно вертикальных. Внизу не то вымощено камнем, не то убран тонкий слой земли до гранитной плиты, что при разломе чуть разошлась и снова столкнулась с такой мощью, что выдавила наверх то, что называем Большим Хребтом.

Стражи с этой стороны не успели охнуть, как я пронесся с заготовленной радостной улыбкой и приветственно вскинутой дланью, как же, нате, я вернулся, щасте ваше.

Арбогастр, умница, все понимает, останавливаться не стал, только свернул в сторону Гандерсгейма и понесся, наращивая скорость, а впереди мчится Бобик и радостно оглядывается: ага, я угадал, я все понял, я умница!

Вдали показались высокие башни крепости Брабанта, я успел увидеть на дороге цветное пятнышко, торопливо придержал арбогастра, тот уперся в землю и пропахал четыре глубокие и длинные канавы.

Цветное пятнышко распалось на десяток ярко разодетых

молодых дворян, одежда явно не маскировочная, хотя едут с охоты, к седлам приторочены крупные птицы.

Я выловил взглядом знакомое лицо, видел этого сен-маринского лорда при дворце в Геннегау, не самый крупный из вельмож, но пару раз появился при дворе, а с моей памятью этого достаточно.

Издали широко улыбнувшись, я подъехал ближе, они тоже придержали коней, на всякий случай окружив своего лорда полукругом, еще не признав меня издали.

– Приветствую, – сказал я и широко улыбнулся. – Рад вас видеть, барон Карберидж.

Барон замедленно поклонился и ответил с предельной осторожностью:

– Приветствуем вас, ваша светлость...

Я небрежно отмахнулся.

– Уже мое величество. Я король таких земель, где может поместиться четыре Сен-Мари!.. Не знаю, насколько вы, сэр Бенедикт, рады моему возвращению, но я безумно счастлив войти в Сен-Мари со своей северной армией, разгромившей Мунтвига и подмявшей под себя весь север.

За его спиной начали переговариваться, не спуская с меня настороженно-удивленных взглядов.

Барон спросил невольно:

– Мунтвиг... потерпел поражение?

– Не ожидали? – спросил я.

Он ответил с неуверенностью:

– Ну почему же... однако так быстро...

– Я вообще быстрый, – сообщил я. – В военных делах быстрота обычно приносит больше пользы, чем доблесть. Война вообще требует быстроты. Когда скользишь по тонкому льду, все спасение в скорости! Я успел, Мунтвиг – нет.

Он сказал с той же неуверенностью, когда сказать нечего, но что-то сказать надо:

– Да, это теперь видим...

– Мунтвиг уничтожен, – сообщил я гордо. – Теперь я – Мунтвиг. И Карл, если такого еще помните. В том смысле, что у меня армия втрое больше, чем были у них... И сейчас эта победоносная и алчущая крови и новых побед орда проходит через Тоннель и готовится превратить Сен-Мари в руины!

Его рыцари быстро бледнели, кто-то крестился, кто-то шептал молитвы, а сам сэр Бенедикт сказал в ужасе:

– Но Тоннель... братья Ордена обещали никого не пропускать!

Я надменно усмехнулся.

– Меня? Сына верховного магистра Готфрида?.. Который и вывел Орден из подполья?.. Вы шутите, барон. Уже скоро, скоро запыхают ваши города, а дикие орды севера, эти косматые огромные дикари, будут убивать мужчин и насиловать женщин. В королевстве проклянут день и час, когда поддались на лживые уговоры сбросить законно избранную власть и передать трон Вирланду... Наслаждайтесь послед-

ними днями вашей жизни, барон!

Я захохотал, повернул арбогастра, шепнув ему, чтобы пошел почти максимально быстро, успел пригнуться, вцепившись в ремни, и меня едва не выбросило из седла, когда через мгновение на месте черного коня взвилась пыль, а сам он вместе со всадником и черным псом исчез, даже грохот копыт тут же оборвался.

Однако как только они исчезли из виду, я придержал арбогастра, сейчас нужно сеять страх и ужас, наращивая психологическое преимущество.

Бобик, как будто все поняв, резко свернул от дороги. Там в сотне шагов большой шатер, три костра, группа воинов расположились и поджаривают хлеб, судя по ароматному запаху.

Оседланные и готовые к скачке кони у столба с крючьями, что значит стационарный конный разъезд готовых выпустить в разные стороны быстрых гонцов.

Мы подлетели на большой скорости, арбогастр резко остановился по моей команде, я крикнул во весь голос:

– Ну что, орлы?.. Припоминаете своего лорда?

От костра вскакивали в панике, но узнавали меня и опускали оружие, один наконец проговорил в удивлении:

– Ваша светлость... сэр Ричард?

Я сказал зловеще:

– Бери выше, дружище. Я уже король. И моя огромная армия, разгромившая Мунтвига... здесь о нем хоть кто-то

слышал?... сейчас неудержимым стальным потоком вливается через Тоннель в Сен-Мари... Вот теперь я залию кровью все королевство! Не оставлю ни одного в живых, кто посмел встретить мое величество с оружием в руках!.. Гнев мой страшен, а месть будет такой, что и в аду содрогнутся!

Я улыбнулся ему и остальным зловеще, уже умею, хватило полчаса репетиций перед зеркалом, огромный черный арбогастр поднялся на дыбы и замолотил по воздуху копытами, которыми бы только скалы дробить, а Бобик, напоминая, что он вообще-то был известен как Адский Пес, растянул чудовищную пасть во всю ширь, показывая острейшие зубы, что в единый мах раздробят берцовую кость дракона, блеснул страшными багровыми глазами.

Мы с пугающей всех скоростью исчезли, даже пыль не успела подняться от копыт, только спустя минуты тут упадут с неба тяжелые комья земли, выброшенные копытами арбогастра.

– Хорошо, – прошептал я. – У страха глаза велики... Представляю, что еще добавят, как разукрасят и что за апокалипсис начнется...

Промелькнули далекие башни Брабанта, на миг возникла и пропала за спиной непостижимо высокая и толстая крепостная стена, что перекрывает узкую горловину в роскошные зеленые земли герцогства, а дальше перед нами распаивается и мчится навстречу ярко-зеленая степь.

Арбогастр и Бобик все ускоряют бег, сочная трава под

конскими копытами превратилась в смазанное полотно зеленого цвета, потом начало прерываться серыми и желтыми, что значит, пошли уже и глинистые пустоши, а затем и песчаные.

Глава 8

Бобик, вот же чувствительная зверюшка, взял в сторону, там торчат оскаленные камни, все больше и больше, пока не превратились в скалы, а потом точно так же пошли на убыль.

Мы с арбогастром остановились возле, а он с ожиданием посмотрел на меня и помахал хвостом.

– Ну ты и морда, – сказал я пораженно. – Или я говорил?.. Или очень громко думал?

Он снова помахал хвостом. Прямо перед ним расщелина, вроде бы знакомая, здесь спускался как-то. И сейчас соскочил с седла на твердую скалистую землю, быстро скользнул вниз между блестящими плитами, сверкающими свежим расколом.

Дальше пошло шире, вправо, влево, наконец я решил, что пробрался в глубины достаточно, набрал в грудь воздуха и заорал:

– Атарк!.. Атарк!.. Появись, это я, твой кунак!

Из темноты прогудел настолько низкий бас, что буквально на грани слышимости, а если еще чуть, вовсе перейдет в инфразвук:

– Стой там и не двигайся.

– Не двигаюсь, – заверил я.

– Шевельнешься, – продолжил голос, – и пикнуть не пикнешь... Ты чего здесь?

– Мне нужен Атарк, – ответил я.

– Зачем?

– Нужен, – ответил я как можно убедительнее, даже подпустил в голос таинственности.

Однако гномы народ недоверчивый и даже подозрительный, в голосе незнакомца только и добавилось злобности:

– Зачем тебе Атарк?

Я улыбнулся как можно шире и доброжелательнее, пусть думает, что я его не вижу, тепловое зрение показывает, что из-за обломка скалы выглядывает толстый бородатый гномище.

– Атарк, – прокричал я, – мой кум и кунак, поняло? Мы с ним друг у друга в долгу, никак не вырвемся и уже не помним, кто кому должен. И сколько. И куда. А что, его сместили с высокой должности?

Из темноты медленно выдвинулся могучий гном. Настолько мощно сложенный и приземистый, что поперек себя шире, рыжая борода цвета железной руды лопатой до пуза, волосы из-под железной шапки ложатся на плечи и спину.

Я не стал ждать нового вопроса, сказал дружелюбно:

– Приветствую могучего героя. Вижу, ты не зря поставлен бдить рубежи. Мимо тебя никакой зверь не пробежит!

Он буркнул с прежним подозрением, совершенно не реагируя на мою лесть:

– Атарк поднялся еще выше. Потому и не придет на зов всего лишь человека.

– А Урант? – спросил я.

Он всмотрелся в меня маленькими колючими глазками.

– Ты знаешь и Уранта?

– Еще бы, – ответил я бодро. – Сколько мы с ним выпили... Даже и не помню на трезвую голову, я с ним аменгер или не аменгер?.. Может быть, левиратист? Или, не дай бог, сорратник или сокумбрик?..

– Уранта тоже нет, – сообщил он. – Далеко и занят. Чего тебе, существо?.. Я все передам.

– Нет уж, – возразил я. – Буду разговаривать только с ними.

Он хмыкнул.

– Ну тогда жди хоть сто лет.

Когда повернулся и пошел в темноту, я крикнул:

– Как скажешь! Только передай им, что приходил сэри Ричард, король и друг гномов, можно сказать – родня, они знают. Хотел с ними переговорить о важном, однако ты, морда немытая, помешал!

Я сам повернулся и пошел в сторону выхода, вскоре за спиной гулко затопало, будто не гном догоняет, а огр.

– погоди, – послышался почти виноватый голос, – мы о каком-то Ричарде слышали. У нас новостей мало, всякую ерунду помним.

Я ответил, не оборачиваясь:

– Вот так и скажи, что не дал им поговорить с такой ерундой.

– Ладно, – крикнул он, сдаваясь. – Сейчас позову. Только не Атарка, а Ладлема. Он старший в этих землях.

Я бросил через плечо:

– Не врешь, существо?

– Клянусь, – ответил он. – Своим молотом!

– Зови, – ответил я снисходительно. – Хотя кто знает, что у тебя за молот.

Ждать пришлось недолго, послышались шаги, из темноты вышел похожий на бочку гном. Только бочка стройнее, а этот еще шире того, кто продолжает рассматривать меня колючими глазами, однако под стальной кольчугой не сало, а тугие мышцы, видно издали. Борода лопатой закрывает грудь и опускается до середины выступающего брюха, ног не видно под кожаным фартуком.

Я уж было усомнился, в самом ли деле вождь, если своими ручками работает в кузнице, потом вспомнил, что все гномы – протестанты, для них работа в радость и служение их богу.

За ним показались еще четверо гномов, все относятся к первому с явной уважительностью, хотя у гномов еще нет особого почитания вождей, вполне демократическое первобытно-общинное общество.

– У меня два дела, – сказал я с ходу и весьма напористо. – Начнем с главного: Атарк взялся сделать мне молот... Даже не сделать, а восстановить. Вернее, уже Урант взялся. Ну, у меня не простой был молот, и создавали его не нынешние

шмакодявки, а те великие и легендарные гномы, которые!..
Все поняли?

Ладлем пробормотал:

– Молот Древних Королей?

– Да, – отрезал я веско. – Хде он? Все сроки прошли!..

Это не весьма, вы же не эльфы какие, чтобы не уметь?.. Вы же хоть и эти самые, но потомки тех самых, что умели и могли?.. Разве в ваших жилах не кровь вашего великого рода? В общем, гоните мой молот, я за него заплатил авансом, так что дело теперь за вами. Честно говоря, моя мощь такова, что и без молота могу снести с лица земли башню, но там затраты выше крыши...

Ладлем спросил настороженно:

– А молот?

– Его бросай сколько угодно, – объяснил я, – пока плечо не занает. И всегда в нем есть сила.

Они довольно переглянулись. Ладлем кивнул в темноту, там зашуршало, затем донесся тяжелый топот убегающих ног.

– А теперь о мелочи, – сказал я, – раз уж я все равно здесь. Надо спасти мир. Это ясно и просто, вы же деловой народ, не эльфы какие-то пустоголовые?.. Предложение могу вкратце, а могу и обстоятельно, но тогда нужен стол и кружки. Лучше пустые.

Гномы начали переглядываться, Ладлем посмотрел заинтересованно, да и кого бы не заинтересовало слово «пустые».

Принесли стол, достаточно длинный, чтобы поместилась дюжина гномов, на середину выдвинули железные, серебряные и пару кружек из золота.

Я сосредоточился и начал наполнять их грогом, глинтвейном, ромом, виски, коньяком, а золотые доверху налил чистым спиртом, гномы – народ крепкий, помню по Уранту, что едва не задохнулся, но потом не мог нахвалиться.

Гномы разобрали кружки неспешно, с надлежащей солидностью, не эльфы же какие-то легкомысленные, видят и ценят мое понимание, сделали по глотку, дальше стоило посмотреть на их рожи, у кого заинтересованная, у кого глаза лезут на лоб, кто-то вдохнул и не может выдохнуть, и хотя все справились с честью, гномы – не просто крепкий народ, а скалы, однако же рожи у всех побуряковели, глазки заблестели, а голоса почти сразу стали раскованнее и живее.

– Скажу сразу, – заявил я, – над миром нависла беда. Этим летом в небе появился небесный ковчег, который разрушит все на земле. Там, где были горы, станут моря, а где моря – выжженные пустыни или высокие горы. Перемешано будет все, останутся груды щебня...

Они слушали внимательно, не выпуская кружек из ладоней. Ладлем пробормотал:

– Что-то такое в наших легендах есть. Будто бы такое было.

– И приближается снова, – заверил я.

Он нахмурился.

– Мы отсидимся под землей.

– Не получится, – сказал я с сочувствием. – Будут сдвинуты целые пласты земной коры. Пещеры исчезнут, хотя возникнут новые, только в них никого не будет.

Он спросил с подозрением:

– И как с таким собираетесь бороться?

– Ковчег опустится на землю, – пояснил я – откуда выйдут чудовища и наберут полные трюмы пленных. В это время можно и попытаться напасть, потом будет поздно, улетят.

Он ухмыльнулся.

– Гномов не схватят.

– Больше всех, – согласился я, – пострадают люди с их городами и крепостями. Но предположим, мы все же победим.

Он криво улыбнулся.

– Молодцы!

Я посмотрел на него с гневным изумлением.

– Вы не поняли?

– Что я должен понять?

– Люди сделают выводы, – сказал я жестко. – Оставив нас сражаться с Маркусом в одиночку, вы тем самым бросите нас в трудную минуту. И тогда после победы не жалуйтесь, что неприязнь, которая сейчас есть к вам, превратится в лютую ненависть, во вражду.

Он хмыкнул.

– Ну, до любви и сейчас далеко.

Я покачал головой.

– На вас начнут охотиться! Вас будут разыскивать только для того, чтобы убить. Как предателей. Тысячи удальцов будут спускаться в ваши туннели и стараться уничтожить вас, а на поверхность земли вам не подняться будет даже ночью.

Он помрачнел.

– Вам не отыскать нас в туннелях.

– В туннелях у вас не все, – напомнил я. – Не зря же вас то и дело видят в лесах. Даже днем. А теперь будут стараться убить и принести домой голову гнома как трофей.

Он помрачнел.

– Это угроза?

– Зачем, – сказал я, – вы же сами знаете, так и будет. Даже если люди победят, победа будет тяжелой, многие погибнут. А гномы не пострадают. Разве этого недостаточно для недоверия и вражды?

Он буркнул:

– А что вы знаете... об этом Маркусе?

– Немного, – признался я, – но кое-что для схватки с ним уже сделано...

Он настороженно выслушал то небольшое, что я мог рассказать о непонятном, но могущественном противнике, что появится с неба, вот уже там почти в центре горит яркая точка, что превратилась в небольшой багровый диск.

– Говоришь, – проговорил он мрачно, – опустится точно там?

– Надеюсь, – ответил я и поправил себя, – рассчитываю.

Он кивнул, для гномов, мастеров своего дела, главное – расчет, а надежды – это что-то глупое и непонятное, присущее разве что безголовым эльфам, что вообще непонятно зачем живут.

– Мы сможем прорыть к тому месту ход, – сообщил он. – Даже не один. Если начнем, конечно, пораньше, а не тогда, когда увидим, где сел...

– Уверен, – сказал я с благодарностью, – это нам поможет. Люди и гномы должны быть плечом к плечу!

Он скривился.

– Наши плечи на разных уровнях.

– Значит, – сказал я, – нам достанется больше. Я имею в виду, на орехи. Хочу добавить еще очень важное... Я только что говорил с высшими иерархами церкви! Они весьма зело за равноправие. Если выступите с нами плечом к плечу против Маркуса, то гномам будут предоставлены все те же права, что и людям.

Он поморщился.

– А что нам эти права?

– Например, – сказал я, – вы сможете продавать свои изделия напрямую, а не хитрым перекупщикам. Те берут у вас дешево, а в городах перепродают впятеро, а то и вдесятеро дороже!.. Вы же деловой и расчетливый народ, вам знакомо понятие упущенной выгоды.

Он уже приготовился возразить, явно давно вертелась на языке некая колкость, но тут задумался.

– В десять раз, говоришь?

– А ты как думаешь? – спросил я. – Когда делают вид, что с огромными трудностями достают у вас где-то в глубоких подземельях, рискуя жизнями?

Он проворчал:

– Мы сами выносим все товары наверх!

– О чем и речь, – ответил я. – И это только один из моментов упущенной выгоды. Отказываться от тесной смычки с людьми – сплошная упущенная выгода! Подумайте. Посоветуйтесь со старшими товарищами.

В темноте затопало, на свет вынырнул могучий гном, в руках на красном бархате бережно держит молот.

Я ахнул:

– Так это же... он самый! Какие же вы молодцы...

Ладлем прогудел гордо:

– У стариков сохранились чертежи и рецепты. А когда нашли нужный металл, пошло легче. Но геммы вставляй сам, у нас с этим туго. И вообще... он сейчас ничей, но как только возьмешь, он тебя признает хозяином.

Я нагнулся и с чувством обнял.

– Люди и гномы – братья навек!

Глава 9

Зайчик с задумчивым видом грызет камни, Бобик бегают вокруг и обнюхивают землю. Вид у Адского Пса несчастный, а когда увидел меня в темном проеме пещеры, завизжал и бросился на шею.

Я благоразумно уперся спиной в каменную стену и задержал дыхание.

– Ну ты чего, мордик?.. Как будто я отлучался на год!

Арбогастр посмотрел на меня со снисходительной иронией, дескать, будто не знаем этого дурачка, я кивнул ему, да-да, мы же взрослые, а он еще щенок, солидно поднялся в седло.

Я закрепил молот справа от седла, и мы все трое понеслись дальше навстречу просторам Гандерсгейма.

В свое время для его завоевания и окончательной ликвидации угрозы со стороны населяющих те земли варварских племен я ввел достаточно мощную группировку войск.

Ту самую, с которой завоевал Сен-Мари, плюс усиленную двумя турнедскими армиями под началом рейнграфа Чарльза Мандершайда и стальграфа Филиппа Мансфельда. Со степными варварами, что на протяжении нескольких столетий расширяли свои земли, постепенно захватывая и разрушая города оседлого люда, дабы создать больше пастбищ для своего скота, я поступил во имя прогресса не просто

жестоко, а весьма. Что делать, сам прогресс жесток, потому варваров я не просто покорил, а кто не согласился перейти на оседлый образ жизни, велел оттеснить к берегу океана и там истребить.

К счастью, они дрались отважно и не просили пощады, иначе я не знал бы, что делать с таким количеством пленных. Ну, вообще-то знаю, но как-то говорить о таком не хочется.

Бобик пошел было прямо, но я сдвинул арбогастра в ту сторону, где вскоре покажется океанский берег, крикнул Бобику:

– Эй, морда!.. Не отрывайся от коллектива, птичка ты моя!

Бобик то ли не услышал, то ли сделал вид, что уши позаложило, мчится, как стрела, а мы сдвинулись достаточно круто, наконец сбоку показалась первая сторожевая башня, высокая и сложенная из массивных камней.

После того как привел Гандерсгейм к полной покорности, я две трети армии убрал обратно в Сен-Мари, а потом через Тоннель вывел на северную сторону Большого Хребта, они пригодились в боях с Мунтвигом, но треть оставил на кормлении и присмотре в наиболее ключевых крепостях, велел контролировать перекрестки важнейших дорог, мосты и переправы.

Варвары уже не поднимутся, но местные королевства оседлых, что давно в симбиозе с кочевниками, могут снова вспомнить о потере своей королевскости.

А еще я велел на всякий случай возвести руками покоренных сторожевые башни на побережье. Где-то это система обороны, где-то просто сигнальные вышки, но на кораблях варваров, если те даже появятся в поле зрения, увидят, что их засекли. А еще пираты хорошо знают, что земли их союзников захвачены и там расположилось огромное войско крестоносцев, однажды сокрушившее их самих при попытке захватить Сен-Мари с моря.

Зайчик чуть пошел в сторону, там появился и стремительно понесся в нашу сторону высокий дом на краю ухоженного поля, где зеленеют ровные всходы пшеницы.

Я резко остановил арбогастра и с интересом рассматривал дом, хоть и одноэтажный, но просторный, три сарая, длинная конюшня, во дворе столб коновязи, кузница, еще какие-то пристройки.

На порог дома вышел кряжистый мужик, вскинул руку козырьком ладони к глазам.

Я крикнул доброжелательно:

– Откуда?

Он спустился до двор, лицо испуганно настороженное, поклонился, не отрывая от меня взгляда.

– Ваше высочество? Принц Ричард?

– Уже король, – ответил я, – но это неважно. Насколько помню, здесь не было поселений. Либо там в глубине, где степняки, либо в Сен-Мари на западе.

Он ответил поспешно:

– Вы объявили, что здесь много вольных земель, могут переселяться все, кто пожелает!

– Точно, – подтвердил я.

– И первые пять лет никаких налогов, – добавил он и посмотрел с испугом, но я кивнул. – Вот мы и переехали... Я с женой и девять моих сыновей. Четверо старших уже с семьями.

– Прекрасно, – сказал я с чувством. – Осваивайтесь, я рад. А где остальные?

– Работают, – ответил он. – Поля распаханы и засеяны, гусяи ушли на озеро, коровы и овцы на лугу, внуки в ручье плещутся, двое старших пробуют рыбу ловить с океанского берега... Это мы еще не умеем, у нас даже реки не было, но рыбы тут много, упускать не хочется... Другие вон из той рощи бревна возят. Вы ж и лес разрешили рубить беспощинно...

– Подтверждаю, – сказал я. – Я рад. Осваивайтесь. Богатейте. Понимаю, налоги никто не любит, но богатство нужно защищать. От одного-двух воров отобьетесь, а от шайки? Потому со временем все же буду брать налоги, а на них содержать охрану, что будет ловить и вешать тех, кто не желает работать, а покушается на ваше добро или добро вашего соседа. А сейчас передавайте поклон вашей жене, я рад, что родила девять сильных и достойный детей.

Вдали появилась черная точка и мгновенно выросла до огромного черного пса. Крестьянин не успел ахнуть, как я сказал злорадно:

– Ты все пропустил, Бобик!.. Мы такого гуся с арбогастром сожрали...

Зайчик довольно ржанул, мы проскакали мимо остолбеневшего в горестном оцепенении Бобика и помчались вдоль береговой полосы.

Через несколько минут он пронесся мимо нас с такой скоростью, будто стоим на месте, арбогастр гневно всхрипнул, хотел наддать, но я сказал строго:

– Зайчик, мы же с тобой взрослые, а он еще дурак... Не спеши, здесь надо и по сторонам посматривать.

Впереди широкая река, мост и небольшая деревянная крепостица, перекрывающая дорогу на тот берег. Несколько человек на стене сразу же наклонились в нашу сторону, один начал было «Стой, кто идет...», но его напарник заорал:

– Его высочество принц Ричард!.. Открыть ворота!

Через минуту ворота распахнули настежь. Бобик сумел удержаться и пошел рядом с арбогастром. Мы красиво и гордо вошли в крепость, со всех сторон начали сбегаться воины в великолепных вестготских доспехах и преклонять колена.

Я не стал покидать седла, озираю всех с отеческой улыбкой. Из сторожки выбежал высокий рыцарь в изумительно подогнанных стальных доспехах, даже не видно, где заканчивается одна пластина и начинается другая.

Не останавливаясь, он подбежал к коню и рухнул на колени.

– Ваше высочество...

Я уточнил благожелательно:

– Мунтвиг разбит, все поют, а я уже король. Если не ошибаюсь, барон Лейнинген-Хайдесхайм? Сэр Вальден?

Он вскочил, повинувшись мановению моей руки, и сказал, сияя ярче своих начищенных доспехов:

– Спасибо ваше высо... Величество! Откуда вы меня знаете?

– Вы были в свите моего друга графа Гатера фон Мергенгарда, – напомнил я. – Как он сейчас?

– Мой дядя проверяет сторожевые башни на побережье, – отрапортовал он. – А меня послал с отрядом перекрыть здесь дороги и переправу.

– Получается?

– Людей у меня немного, – ответил он виновато, – потому согнал народ и заставил выстроить эти укрепления. Немного, но все же...

– Прекрасно сделано, – одобрил я. – Надеюсь, повидаюсь и с вашим дядей. Не одиноко вам здесь? Вдали от Вестготии?

Он ахнул:

– Одиноко? Да вы всех рыцарей Вестготии, что пошли с вами, пожаловали здесь землями!... И никого из них не взяли в поход на Мунтвига. Так что здесь нас даже прибавилось за это время.

Я спросил с интересом:

– Каким образом?

– Адмирал Ордоньес велел установить сообщение с Вест-

готией. Тут же близко, всего лишь обогнуть Белый Рог, где морские чудовища топят все простые кораблики, но на ваши громадины напасть не решаются!

Сердце мое забилося чаще, я перевел дыхание и сказал ровно, стараясь не выказывать волнение:

– Адмирал Ордоньес... он сейчас где?

– Выполняет ваши приказы, Ваше Величество, – ответил он. – Охраняет побережье от пиратов, перебрасывает войска с места на место... Я не знаю в точности, мне был приказ обеспечить спокойствие в этом районе.

– И как? – спросил я.

Он жестко усмехнулся.

– Да тут как-то попытались местные прощупать нас... Я ответным рейдом сжег их стойбище, перебил всех, кто продолжал жить набегами, а не землепашеством. Думаю, повторить решатся не скоро.

– Хорошо, – сказал я, – спасибо, барон! Хорошие новости. Скажу графу, что вами очень доволен.

Он прокричал вслед счастливо:

– Спасибо, Ваше Величество!

За время моего отсутствия Гандерсгейм, конечно, не преобразился, зато отчетливо чувствуется присутствие моей армии, пусть ее и немного: на перекрестках крупнейших дорог конные посты, у мостов и переправ через реки – заставы.

Солдаты, глядя на меня влюбленными глазами, наперебой

рассказывают, где отыскать командующего в Гандерстейме графа Гатера фон Мерзенгарда, и вскоре нас как ураганом внесло в небольшой лагерь на перекрестке дорог из одного бывшего королевства в другое, а ныне владения моих лордов.

Переполох еще не улегся, как граф, такой же собранный и поджарый, в знакомой кирасе поверх зеленого кафтана, в штанах из толстой кожи с мелкими вставками из блестящей стали, быстро выбежал из шатра, увидел меня, счастливо и с таким облегчением заулыбался, что вот прямо сейчас я возьму всю ношу на себя, а он пойдет розы выращивать.

Я не успел покинуть седло, он с достоинством преклонил колено.

– Ваше высочество...

– Мое Величество, – поправил я добродушно. – Да-да, привыкайте. Потом расскажу.

Я поднял его, обнял, остальным коленопреклоненным знаком велел подняться. Они начали приближаться, окружать, рассматривая блестящими от любопытства глазами.

Я сказал радостно:

– Дорогие друзья!.. Как же я счастлив, что вы не поперлись с остальным войском далеко на север навстречу Мунтвигу!..

Сэр Гатер покачал головой.

– Ваше высо... Ваше Величество, вообще-то все были готовы идти навстречу новой войне! Но вы сами лично распорядились оставить здесь в первую очередь вестготцев, хотя

мы так и не поняли почему...

Я отмахнулся.

– Все просто. Вестготия владеет побережьем океана сразу за Белым Рогом, разделяющим Сен-Мари и Вестготию. Так же как и Гандерсгейм. Я не случайно пожаловал наиболее отличившимся в боях вестготцам земли на самом берегу. Вы не стесняйтесь, сразу начнете подумывать о возможностях, которые дает океан.

Он сдержанно улыбнулся.

– Вы правы, уже строим планы. И даже начали осуществлять.

Я изумился.

– Уже? Как?

Он покачал головой.

– Не своими силами, Ваше Величество. Два корабля эскадры адмирала Ордоньеса по нашей просьбе побывали в Вестготии и привезли оттуда опытных строителей. Хотя корабли у нас строить никто не умеет, но учимся у тарасконцев.

Я охнул.

– Ну и молодцы... А Ордоньес просто чудо.

Он кивнул.

– Да, вы умеете подбирать людей, Ваше Величество... Умоляю, расскажите, как и где вы наконец-то приняли королевскую корону!

Я отмахнулся.

– Уже язык болит рассказывать. Потом, на отдыхе. Зна-

чит, Ордоньес трудится, как пчелка.

– Как муравей, – уточнил он. – Впрочем, куда ему еще? В Сен-Мари сменилась власть, но здесь мы вцепились крепко. Да сюда никто и не суется. Пираты разбиты, сен-маринцы боятся самого имени Гандерсгейма. Потому мы отыскали в своих владениях очень удобную и просторную бухту, где и начали закладывать порт...

– На что я и рассчитывал, – сказал я. – Только не думал, что вы так быстро. Вот что значит частная инициатива!.. Но Ордоньес... как же я рад. Кстати, а что с Кейданом?

Он взглянул на меня пытливо.

– Ордоньес его взял на борт.

– И где Кейдан сейчас?

Он развел руками.

– Увы, здесь. В Гандерсгейме, я имею в виду.

– Эх, – сказал я с огорчением, – а придушить по дороге не могли?

Он улыбнулся одной половинкой рта.

– Ваше Величество, долг христианина велит оказывать помощь всем гонимым. Его величеству королю Кейдану пришлось бежать из Сен-Мари.

– Он что, и сейчас на борту?

Он помотал головой.

– Нет, конечно. Его величество не выносит качки. Сейчас он в крепости.

– Лучше бы в монастыре, – обронил я сумрачно. – Мо-

нахи традиционно дают приют всем сирым и неимушым, а также беглым. А то крепость... это как намек, что соберется с силами и выйдет во всей мощи.

Он ответил почтительно:

– Не уверен, что его величество Кейдан на такое способен. Он был неплохим королем в стабильном королевстве. Но когда Сен-Мари затрясло, он растерялся.

– И наломал дров, – буркнул я.

– Да, – согласился он и добавил: – А вы – нет.

– Да, – согласился я, но посмотрел на его серьезное лицо и добавил честно: – Вообще-то наломал, но у меня масштабы!..

Бобик примчался, сунул графу в руки бревнышко, тот широко размахнулся и с усилием зашвырнул подальше, дабы поддержать дружбу с этим огромным черным чудовищем. Бобик исчез, спеша поймать обломок дерева еще в полете.

– Хорошо, – сказал я, – граф, не огорчайтесь, на пир не останусь. Сейчас как-то вообще не до пиров. Отыщу Ордоньеса, нам нужно будет срочно вернуть власть в Сен-Мари.

Он просиял.

– Я был уверен, что вы вернетесь и все восстановите!

Я обнял его и красиво с разгона, не касаясь стремени, вскочил в седло. Пусть видят, что я не только король, но и прекрасный всадник, для мужчины это предмет гордости повыше, чем увешать всю одежду бриллиантами.

Арбогастр все понял, взял правее, минут через пять беш-

ной скачки показалась береговая линия. Навстречу понесся влажный морской песок, иногда арбогастр не успевал или не желал убегать от набегающих волн и тогда несся как огромный черный лебедь с лебеденком, которого изображает Бобик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.